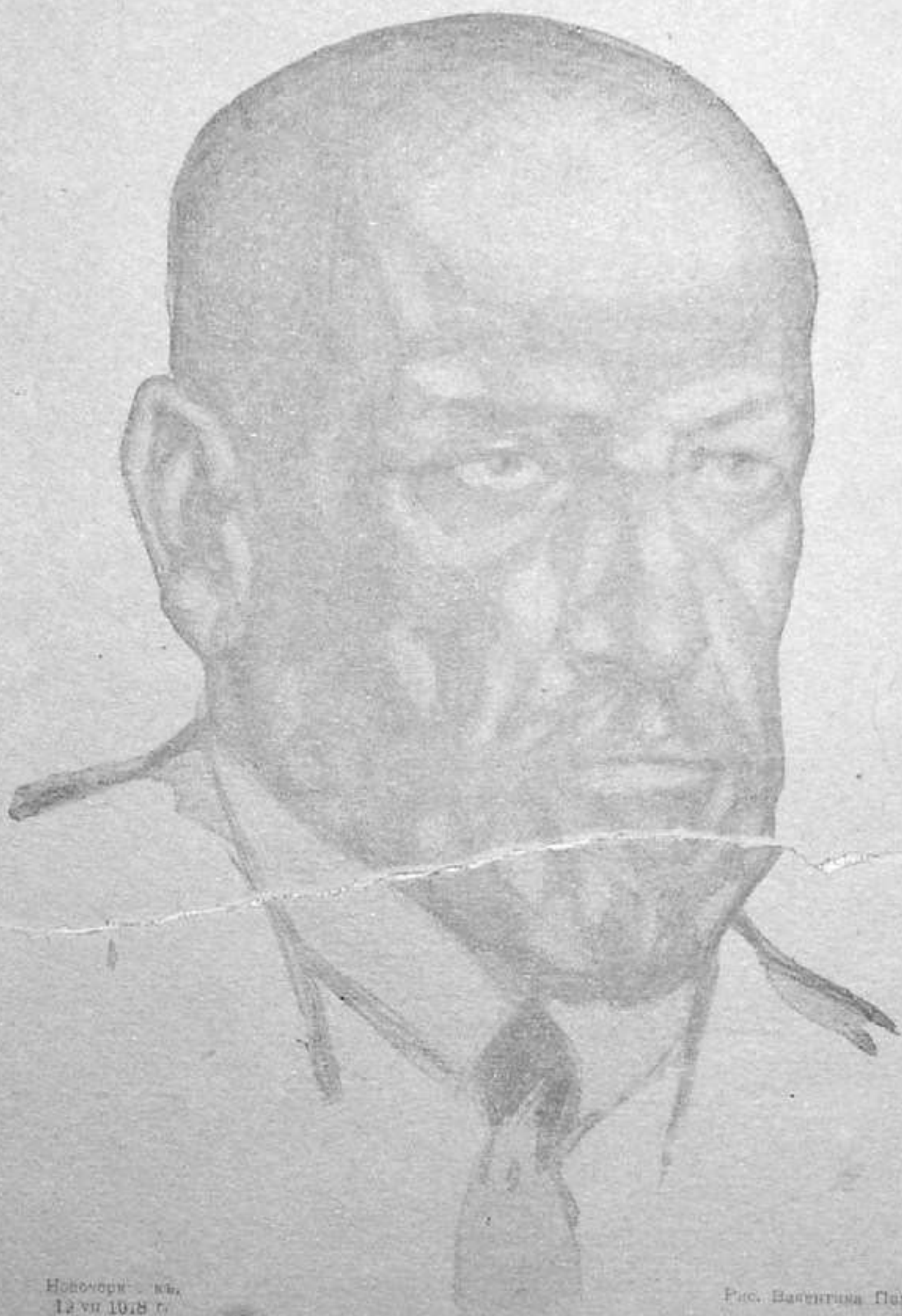

№ 9 5 Августа 1918 г.

С. Святловский
Цена №—2 р., на ст. ж. д. и вна Ростова 2 р. 20 и.

ДОНСКАЯ ВОЛНА

Новоорск - кн.
12 VII 1918 г.

Рис. Валентина Парина

М. В. Родзянко.

Редакция и контора журнала „Донская Волна“ помещаются в
Ростовъ на Дону, Б.-Садовая, домъ № 89 (между Среднимъ и Малымъ пр.),
телефонъ № 23.43.

Главная контора журнала „Донская Волна“ доводитъ до свѣдѣнія
г.г. агентовъ-распространителей, что съ № 6 журнала она сама при-
няла на себя экспедицію журнала и потому со всеми заказами на
журналь нужно обращаться въ контору „Донской Волны“—Ростовъ
на Дону, Б.-Садовая ул. 89, телеф. 23.43.

Отель „ПЕТРОГРАДЪ“

Ростовъ н-Д., ул. Московской ул. и
Казисск. пер. у. С. Д. Срабонина
въ центрѣ города, вблизи трамвай
и коллекторнаго моста; уютная,
роскошно убрана, оборудована,
обстановлена, электрически освѣщена;
центральн. отопление, ванна, лифтъ,
бильярдъ.

Телефонъ, 3-й этажъ—24. 71.

ПРИ ОТДѢЛѢ РЕСТОРАНЪ. Буфетъ
подъ наблюдениемъ опытнаго повара.

Всегда свѣжая провизія.

**ТРЕБУЮТСЯ
АГЕНТЫ**

по сбору объявленій на жало-
ванье и проценты.

Являться отъ 11 до 3 час. дня.
Адресъ: Садовая 89. Главная
контора жур. „Донская Волна“.

**СЪМЕННОЕ
ХОЗЯЙСТВО**

ТОРГ. ДОМА
Б. В. РАММЪ И К°
РОСТОВЪ НА ДОНУ
КАТАЛОГЪ ПО ТРЕБОВАНИЮ.

Первоклассный фешенебельный

РЕСТОРАНЪ

въ Ростовѣ на Дону,

ул. Б.-Садовой ул. и
Миколаевской пер.
Тел. 21.20.

„ЯРЪ“

Всегда свѣ-
жѣ доброкачест-
венные продукты. Луч-
шая кухня, удовлетворяющая
всѣмъ вкусамъ, изыскан. искусство гас-
трономовъ.

Стильная отдѣлка, роскошные кабинеты.
ОРКЕСТРЪ МУЗЫКИ подъ упр. н.м. сар. Демича.

Кухня работаетъ подъ наблюдениемъ опытнаго повара.
Присутств. и кѣм. прислуга. Съ вечера, Пр. ШТРАУСЕНЪ.

Требуется помещеніе
подъ контору въ центрѣ города.

Звонить по телефону 2343, отъ 12 до 2 часовъ дня. Б.-Садовая 89,
контора журн. „Донская Волна“.

Всегда одинакового
всегда одинакового

приятнаго вкуса
ПАПИРОСЫ

„СЕНАТОРСКІЯ“

фабрики АСМОЛОВА

25 штукъ—1 руб. 75 коп.

Знаменитыя папиросы

фабрики АСМОЛОВА

„БАЛЬНЫЯ“

и **„ДЕССЕРТНЫЯ“**

25 шт.—1 р. 75 к.

ДОНСКАЯ ВОЛНА

подъ редакціей ВИКТОРА СЪВСКАГО.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

1 мѣсяц 8 руб. — коп.
3 мѣсяца 16 руб. — коп.
Отдѣльный № 2 руб. — коп.

Объявленіе впереди текста — 3 р., позади текста — 2 р. за строку полпарелю.

Рукописи не возвращаются и, по усмотрѣнію редакціи, подлежатъ сокращеніямъ и измѣненіямъ.

Еженедѣльникъ исторіи,
литературы и сатиры

Редакция и контора — В. Садовая ул., к. № 109,
(между Среднихъ и Малыхъ пр.), тел. 23—13.

Контора журнала открыта ежедневно, кромѣ праздни-
ковъ, съ 11 ч. утра до 3 ч. и съ 5—7 ч. веч.

Секретарь редакціи принимаетъ ежедневно, съ
11—8 ч. дня.

Редакторъ принимаетъ по вторникамъ и пятни-
цамъ съ 5—7 ч. вечера.

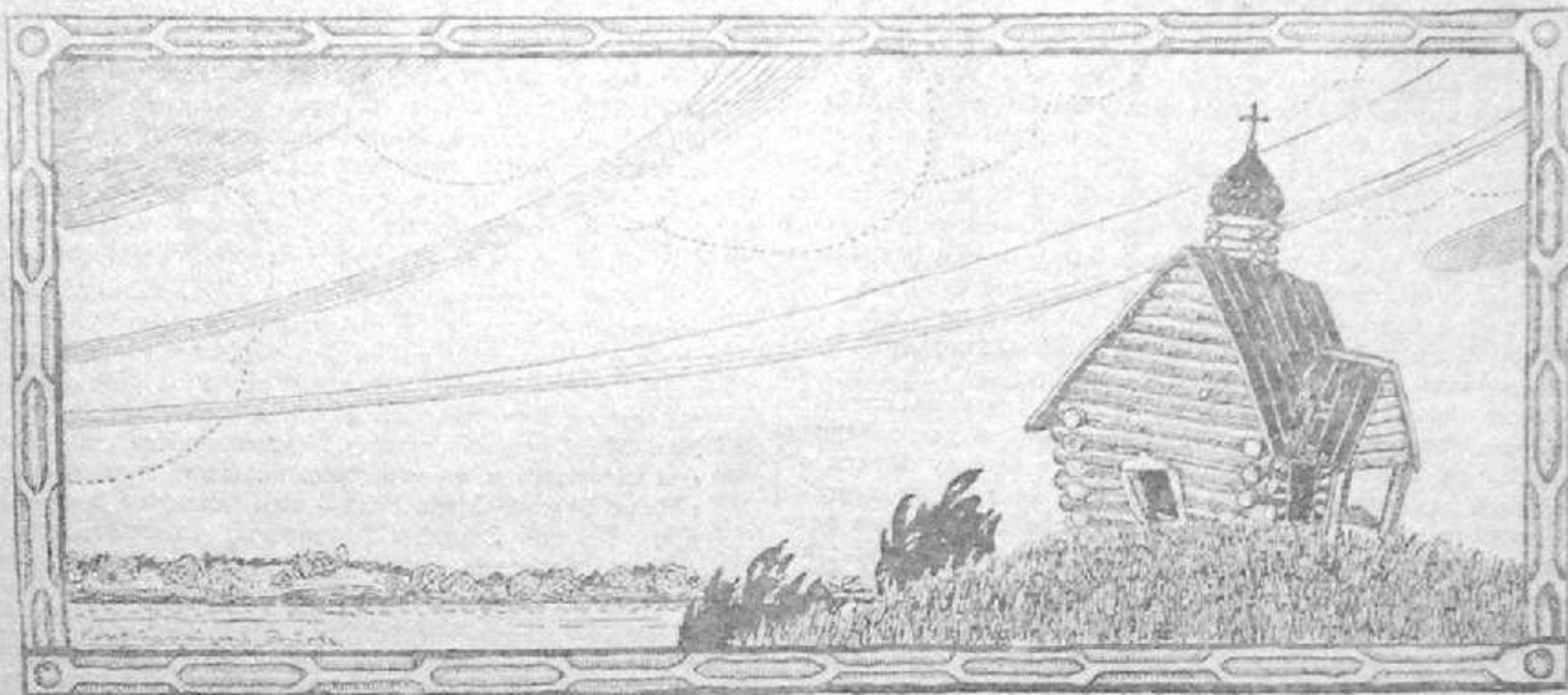
№ 9.

→ 5 августа 1918 года ←

№ 9.

Рис. Константина Ротенд.

СТАРОХОПЕРСКИЙ ПОХОДЪ

томъ, когда произошло это событіе, разные источники рассказываютъ разное. Усть-медвѣдичскія станичныя памяти относятъ его къ недавнему, сравнительно, времени:

— А когда, Емельянъ Январичъ, былъ этотъ старо-хоперскій походъ?

— А было это, сыночекъ, въ ту пору, какъ вокругъ Усть-Медвѣдичскаго городка темные лѣса стояли и за Кондратьевскимъ домомъ люди клубнику рвали... Вонъ когда это было!

Но это существовало еще совсемъ недавно — и темные лѣса вокругъ живописной Усть-Медвѣдички и благовошная розовомаслистая полевая клубника тамъ, гдѣ теперь стоитъ оранжевый домъ Кондратьева. И теперь еще въ нашей далекой отъ шумныхъ городовъ станицѣ старые люди зимой, передъ вечеромъ, выходятъ на сарнучія деревянные крылечки и слушаютъ — кака завтра будетъ погода? Коли речеть Брехунья, печальный остатокъ величественнаго прежняго топольскаго лѣса на низменномъ берегу Дона, — быть вьюгѣ, коли шумитъ бѣлая известковая Пахомова гора, — быть теплу. То же и на счетъ полевой клубники: покойный нашъ станичный атаманъ, Вячеславъ Семеновичъ, любилъ рассказывать, какъ онъ въ дѣтствѣ рвалъ съ сверстниками клубнику на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сейчасъ построены Кондратьевскій домъ. А атаману было бы теперь самое большое — лѣтъ 90.

Хуперскія памяти относятъ походъ къ годамъ неравненько болѣе древнимъ. — А когда это было, царь, то и памяти наши того не упоминать, — вѣдала наша знаменитая, сибирь-донская, независимая сказательница, суровая Фекла Даниловна.

И, пожалуй, въ старая память была болѣе надежна, чѣмъ всѣ другія памяти — станичныя и хуперскія. Ибо не даромъ хва-

лилась пѣщая старуха передъ смертію, что за всю свою могуче-долгую жизнь никуда не выѣзжала она изъ своего хупера и не возмutilа своей дѣвственной души созерцаніемъ гремящихъ огненныхъ коней и тигильныхъ штокъ на бѣлыхъ столбахъ, о которыхъ рассказывали ей вѣдуньи изъ Михайловку за краснымъ товаромъ хуперяне. Была ея памяти, какъ вмѣстительный водоемъ, налитый осеннимъ прозрачнымъ большимъ дождемъ, тотъ водоемъ, на днѣ котораго видны самый малый камень и самая тонкая трепещущая почеркѣвшая былинка...

I.

Когда то на майданѣ давно сошедшаго съ лица донской степи хупера Старо-Хоперскаго сидѣлъ слѣпой Лука Петровичъ или, по усть-медвѣдичской памяти, Марха Чулий и рассказывалъ на голоса отъ всего своего стараго казачьяго благочестиваго усердія:

— А и вотъ у Бога да много гулжихъ кѣтровъ да въ святыхъ небесахъ, а у всевеликаго да войску, а и вотъ да много проходныхъ путей во чистыхъ степяхъ, во чистыхъ степяхъ — въ луговыхъ велевахъ... А и вотъ да дорожка первая, наизамѣннѣйшій путь: черезъ балки-балочки, черезъ рѣкы-рѣченки, черезъ луга зеленые, черезъ поля дольняе, черезъ парства-государства, за синія моря, за лазурные берега, къ самому ли тому ли великому городу Константинограду... А и вотъ да въ томъ ли великомъ городѣ Константиноградѣ да поставилась рукотворенная часоуенка, А и въ той часоуенкѣ да перукотворный ликъ Іоанна Предтечи, Христова честнаго поима, перукотворный ликъ, не писанный... А и вотъ да дивуется тамотко турецкіе народы, турецкіе народы некрепостные: стоятъ Іоанна Предтеча, честной Христова воинъ, а аидъ у него да не ихменскій, не ихменскій да не поганый, а аидъ у него казачій, казачій видъ у него съ дозгой шакой! И гута-

рить имъ свѣтель воинъ, великій Іоанна Предотеца: ой, да вы, турецкіе люди заморскіе, не ужасайтесь, потому что я родомъ былъ донской казакъ! И вотъ да посему у меня на боку шашка вострая, а за стальной спинкой копье долгое, пронзистое! А и вотъ да стою я у васъ да не вольной волею, а казакимъ несчастнымъ случаемъ!...

И плачутся передъ лицомъ Предотечевымъ турецкіе народы: ой, да великій Спасовъ Предотеца, да ты забудь свой синий Донъ—зеленые дуга, а и да останься у насъ, народонъ заморскихъ, а и да мы тебѣ за это построимъ золоту мечеть!

Возговорить Великій Іоанна Предотеца, воинъ:

— Ой, вы, турецкіе народы заморскіе, заморскіе народы неразумные! Не слышали вы видно, что подобаетъ мнѣ, Предотечѣ Спасову, стоять не въ басурманской мечети, а въ церкви Божіей!

И говорятъ народы турецкіе:

— Ой, ты, великій Спасовъ Предотеца, а не хочешь ты жить у насъ охотою, такъ оставишь ты меня у себя неволею. Зарѣжемъ желѣзами наглухо часовенку, чтобъ не сбѣжать ты отъ насъ по зарѣ украдкою!...

А и да отвѣчаетъ Спасовъ Предотеца:

— Ой, народы вы турецкіе, а и въ самомъ дѣлѣ вы словно дѣти малыя. Не удержать вамъ меня у себя желѣзами, не заставить меня служить вамъ неволею... Вы то тутъ ничего не видите, вы то тутъ да ничего не слышите! А я то, Спасовъ Предотеца, все вижу, а я то, воинъ Христовъ, да все слышу... Ой, да собираются на Синемъ Дону мои дѣтушки, мои дѣтушки-удалые ребятушки, удалые ребятушки—да все донскіе казачушки. Собираются да путь-дорожку воинску держать, да не по тому ли пути Батыевскому, не по тому ли шляху гетманскому, не по той ли сиротской тропкѣ московитской, а по той ли дорожкѣ неѣзжаной, а по той ли дорожкѣ не хоженой къ самому Спасову Предотечѣ на гости. А и какъ припокалуютъ мои дѣтушки, мои удалые ребятушки, то да возвернусь я съ ними на Тихій Донъ—зеленые дуга и засажу берега песчаные цвѣтами лазоревыми, а въ самую ли ту воду пуку да рыбъ—золото перо... И станетъ мое войско Донское да величаться, и станетъ мое войско да всевеликое похваляться: а у насъ то на Дону Спасовъ Предотеца живетъ, а у насъ то на Дону лазоревы цвѣты цвѣтутъ, золотыя рыбы въ водѣ плаваютъ!...

А и горе наше горькое, а и печаль наша ужасная! А и оказался вышѣ, братіе, да тотъ путь знаменитой повить былъиенъ, былъиенъ—зеленою травою, зеленою травою—дикими горохами. А и да стоитъ на дальней сторонѣ сиротою Іоанна Предотеца, великій воинъ. А и да ругаются народы турецкіе, народы турецкіе, несчастные, да тому ли самому Іоаннъ Предотечѣ, Христову воинъ: ой, ты воинъ Христовъ, да Іоанна Предотеца, а и гдѣ же твои дѣтушки, а и гдѣ же твои донскіе казачушки? Не желѣзами закрылась твоя тюрмная горница, а травою длиною цѣлуною! Ты послушайся лучше нашего слова неумнаго, нашего слова неумнаго да несчастнаго: отрѣкись отъ своего святого Божества и прими нашу сіру поганую, а мы ужъ тебѣ за это мечеть худобую построимъ!...

А и да горе наше горькое, а и да печаль наша ужасная!...

II.

Старыя памяти говорятъ, что этотъ слѣвой пѣвецъ и напѣлъ своимъ хуторскимъ слушателю, мысль о походѣ, которымъ потомъ сталъ означить Старый Хоперь.

Это было то удивительное время, когда пѣсни рождались на Донской землѣ такъ же свободно, какъ весной зацвѣтали синіе подсолнечники на пригрѣтыхъ склонахъ желтыхъ овраговъ и такъ же привлекала она народную душу, какъ незримый медъ воздушной, цвѣтной чашечки манитъ легкокрылаго мотылька. Далекая, блистательная пора! Она схлынула такъ же незамѣтно, какъ весеннія воды, зарывшіяся въ сухихъ пыльныхъ степныхъ толщахъ. Кто видитъ теперь національнаго донского пѣвца? Нѣкоторые мечтательные патриоты рисуютъ его въ видѣ сѣдусаго дѣда съ перевязью черезъ плечо, на которой прикрѣплена жалобная трехструнная лира... О, ибѣтъ, ибѣтъ! То не донской пѣвецъ, и не суровой подсушенной горько пахнущей донской пѣвецъ, а приднѣпровской сочной гибкой травой и дивныхъ золотистыхъ черноморскихъ казашей!

Ушелъ донской пѣвецъ и унесъ съ собою тайну донской народной пѣсни... А теперь развѣ только случайно раздадутся на донской виллюющей дорогѣ страшные пѣвучіе звуки—то ли вѣтеръ шумитъ въ деревянномъ голубѣ, поставленномъ благочестивою рукою при пути на благословеніе проѣзжающимъ добрымъ людямъ, то ли поляны задымилъ подъ сверкающимъ солнцемъ, какъ воажженное горькое курسو. То она—затерявшаяся донская пѣсня! Но она исчезаетъ такъ же незамѣтно, какъ и рождается, пугливая, какъ степная дикая птица...

Старыя памяти говорятъ, что Хоперь былъ хуторъ малодворный, саманный, бездорожный, съ небольшою стоячей водою по заросшей близоствольнымъ пахучимъ тальникомъ балкѣ. Богу молиться ѣздили на свѣтлый Христовъ день за 85 верстъ, въ Усть-Медвѣдичій городонъ. Хуторъ былъ, какъ многіе тогда безвѣстные хутора, въ малозлюдной сѣверной донской округѣ. И вдругъ по всему просторному старому донскому полю дронеслась молва, что пошли старо-хоперцы въ далекій походъ за иконой Спасова Предтечи!...

III.

Вышли старо-хоперцы въ путь верхами на коняхъ, съ никами и прочимъ воинскимъ составомъ, чтобъ явиться предъ Спасовымъ Предотечей во всемъ казакимъ видѣ. Велъ это необыкновенное воинство тотъ же самый слѣвой Лучка Петровичевъ, или по другому наименованію, Марка Чулай, безвѣстный древній донской пѣвецъ. Какъ сказано въ памяти, велъ уютъ Божій человекъ Спасову Предотечѣ на деревянномъ блюдѣ «ладанно поганю да ладанно чабрецово» да еще въ особенной большой кубышкѣ жемчужной воды съ Дона Великаго...

При проходахъ были не одиѣ оставшіяся дома старохоперскія бабы, а и водяная верхне-островская станица, и Глазуновская станица, и молодой Бобовъ хуторъ, и богатая садомъ Кепицкая станица, и далекая Етеревская станица, и красавица Арчадинская станица, и сама суровая нагорная Усть-Медвѣдичья станица... Оставшіяся на Дону станицы, «по немочамъ и по домашности», дали при прощаньи большіе обѣты: Верхне-Островскія,—что, коли пожелаетъ на Тихій Донъ Великій Спасовъ Предотеца, то выстроитъ она ему на своемъ лѣсистомъ острову немалую церковь да съ круглымъ дубовымъ алтаремъ. Прирѣчные арчадинцы обѣщались рыбою, а полные етеревцы—зерномъ-хлѣбомъ. Хозяйственные устьмедвѣдичскіе казаки похвалялись всей годовой ошпой да еще всѣмъ новымъ телячьимъ прилодомъ. На томъ казаки святой крестъ сердечно цѣловали...

И пообѣщались еще остающіеся уходившимъ воинамъ, что въ случай, не дай Богъ, военной опасности, пооберегутъ они сиротскій хуторъ Старо-Хоперскій съ бабами да малыми ребятами, какъ свой родной хуторъ, и на томъ тоже дали великое крестное цѣлованіе...

На хуторскомъ гребнѣ въ послѣдній разъ кланялись въ землю войску и всѣмъ православнымъ христіанамъ доблестные старохоперцы и просили простить, коли въ чемъ были причинны... И вотъ уже тронулись мужественные хуторяне, и вотъ уже смотрятъ они, а хуторъ ихъ—

съ махонькую крупиночку,—
съ махонькую крупиночку,
съ махонькую росиночку...

И началась эта таинственная дороженька, неизнаменитый путь—черезъ балки-балочки, черезъ рѣчки-рѣчешки, черезъ дуга зеленые, черезъ поля дольные, черезъ царства-государства, за синія моря, за лазурные берега—къ самому Спасову Предотечѣ на гости...

Памяти говорятъ коротко—былъ труденъ тотъ казакимъ путь. И многіе погибли на дорогѣ.

И, какъ сказано въ старыхъ памятяхъ, «она 32 день осталось на великомъ походѣ 18 человекъ, и тѣ подъ жестокимъ солнцемъ»...

IV.

Гдѣ были старохоперскіе казаки въ этотъ замѣчательный 32 день своего пути за нерукотворнымъ лицомъ Спасова Предтечи? Памяти упоминаютъ о тяжеломъ большомъ солнцѣ и о сылучихъ красныхъ несахъ, словно дѣло происходило уже въ какой то восточной пустынѣ. Сказано еще: не было воды ни у кого въ кубышкѣхъ—и бѣды лица казачовъ были

зажжены до угольной черноты. И думали старо-хоперцы, что наступают их смертный час...

Святой Лучка Петровичевъ, онъ же Марка Чулай, окликалъ притихшихъ въ смертной истомѣ воиновъ: «вотъ ужьто придетъ вечеръ и уже будетъ намъ Спасовъ Предотеца!»

И обѣщанный вечеръ насталъ въ сверкающей краснымъ огнемъ пустынѣ. И приступили къ Лучкѣ-Маркѣ истомившіеся казаки: «иди же, иди же то есть Юанна Предотеца, воинъ?»

И тогда горячій воздухъ пустыни вдругъ началъ влажнѣть и яснѣть, и увидѣли полуослѣпшими отъ неистоваго блеска пустыни очами хуторяне свои снѣже донскіе прохладные края, и зеленые луга, и могучія вербы надъ родинами Старо-Хопромъ по хуторской полуторѣ. И, будто, надъ тѣмъ мѣстомъ, въ огненно-красныхъ ризахъ, стоитъ самъ великъ Спасовъ Предотеца, съ казачьей вострой пикой за спиною, и свѣтое око его горитъ, какъ пылающая молонья, — великимъ безстрашіемъ и великою правдою...

И упали изумленные казаки на горячій песокъ и возопили:—Святой Спасовъ Предотеца, Христовъ воинъ, возверни насъ благополучными на Тихій Донъ—зеленые луга—поклониться тому ли твоему безстрашному огненному оку!...

V.

32 раза убрали старо-хоперскія бабы съ малыми ребятами свое сѣно на степи съ тихъ порѣ, какъ пошли ихъ хуторяне за ликомъ Спасова Предотеци, а сами все обь одной порѣ, будто года пошли стороною отъ Старого Хопра, какъ тучки подь дальнимъ медвѣдичьимъ вѣтромъ... И растетъ—величается хуторъ Старо-Хоперскій подь бабынъ слабосильнымъ надзоромъ—за труды ушедшихъ въ походъ отцовъ и братьевъ...

Чьи то тучины темныя вербы у самого неба, точно воздушныя горы? То старо-хоперскія вербы? Чьи то бѣлыя жемчужныя большія спокойныя воды по травяной зеленой балкѣ? То открывшаяся новая старо-хоперская рѣчка! Чьи то бѣлыя и желтые камешки раскиданы по степнымъ горамъ? Э, то не бѣлыя и желтые полевые камешки, а богатые стада старо-хоперскія! Благословилъ Спасовъ Предотеца малый Старо-Хоперскій хуторъ въ примѣръ всему прочему великому донскому полю!

И идетъ день за днемъ на старо-хоперскомъ благословенномъ хуторѣ, какъ кудельная нитка на хлопотливомъ перетей. Вечеряни выходятъ хоперскія бабы на хуторской гребень и смотрятъ: не пылятъ ли дорога? 32 долгихъ года, какъ 32 короткихъ дня, смотрятъ старо-хоперскія бабы въ даль съ великимъ терпѣниемъ, какъ большія спокойныя воды внизу, по зеленой балкѣ...

И вотъ на 32 году, подь самый праздникъ Юанна Постнаго, ночью раздался трубный гласъ, точно великій журавель издавъ свой крикъ. И вышелъ хуторской народъ и началъ смотреть на дорогу. И вотъ видать на востоку: идутъ какіе то воины, идутъ—не пылятъ, а будто по облакамъ, и лица ихъ черній каменнаго угля и очи ихъ какъ молонья, пылающія изъ тучи...

И закричали старо-хоперскія бабы:

— Вы ли это, наши казаки, или святые Божьи, за труды нашихъ казаковъ посланные? И отвѣчали воины: не святые мы Божьи, а наши хоперскіе казаки. И воземъ мы съ сѣбою изъ великаго похода нерукотворенный ликъ Спасова Предотеци, нерукотворенный ликъ—не писанный, на золотыхъ облакахъ показанный!

И сошедши съ коней, привѣтились и рассказали про трудъ и походъ свой и про то, какъ Спасова Предотецу на облакахъ видѣли. И дивился народъ трудному житію ихъ походному и милости воина Христова, Великаго Спасова Предотеци Юанна...

И тогда же нависали старо-хоперцы на кипаресовой доскѣ красками нетлѣнными ликъ Спасова Предотеци по явленнымъ небеснымъ признакамъ: стоитъ воинъ Христовъ—казаки донской съ длинной пикой за статою спиною и глаза горятъ

огней-молніей,

Огней-молніей—безстрашіемъ,

Безстрашіемъ—Христовой правдою...

«И оттоль потекла всѣмъ извѣстная военная слава старо-хоперцевъ»,—заканчиваетъ свое повѣствованіе старая паять,—«ибо сражались они, какъ иькогда Предотеца Господень Юаннъ, всегда за Христову правду и съ великимъ безстрашіемъ»...

Романъ Кушовъ

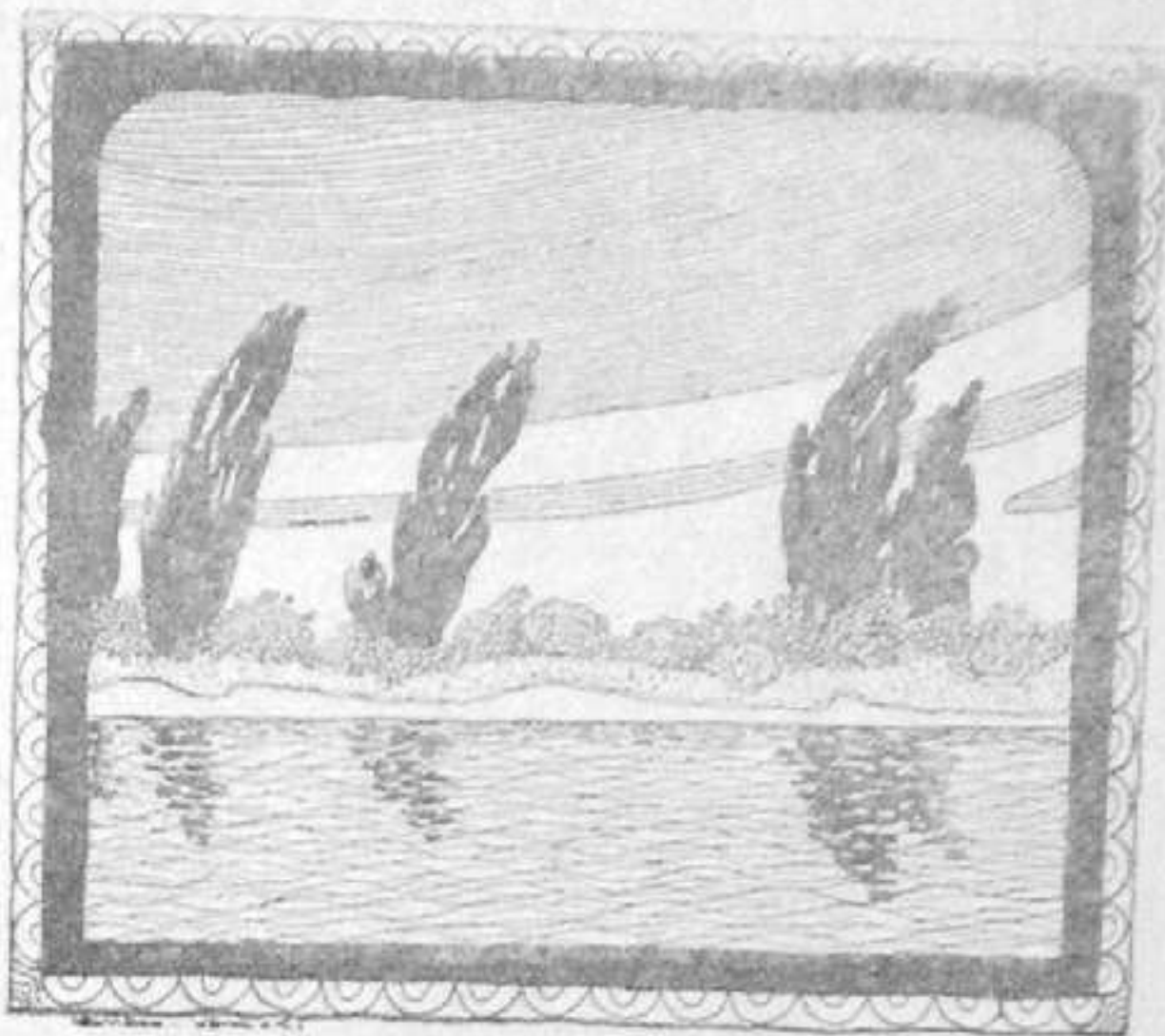

Рис. Константина Рогова.

Судьба астраханскаго атамана.

Въ первыхъ числахъ іюля въ совѣтской Астрахани въ революціонномъ трибуналѣ слушалось дѣло бывшаго астраханскаго войскового атамана ген. Ивана Алексѣевича Бирюкова, арестованнаго еще 25 января 1918 года по обвиненію въ организаціи казачьихъ выступленій противъ совѣтской власти.

Обвинительный актъ называетъ ген. Бирюкова вдохновителемъ казачьяго выступления.

Любопытны выдержки изъ этого обвинительнаго приговора.

Самъ Бирюковъ ясно говоритъ, что онъ присутствовалъ на кругѣ 13—15 декабря и всѣмъ гражданамъ извѣстно, что изъ круга выдѣлился комитетъ, созданный съ цѣлью сверженія большевистской власти. Еще до возстанія казачества генераль развѣжалъ по станицамъ, призывалъ къ активнымъ дѣйствіямъ противъ большевиковъ; въ воззваніи къ станичникамъ астраханскаго казачьяго войска отъ 7 января 1918 г., подписанномъ имъ, онъ пишетъ, что «и насильникамъ, не имѣющимъ своего хозяйства, и стремящимся захватить и поделить между собою хозяйства тѣхъ, кто всю жизнь работалъ, до пота и крови, понадобилось, чтобы казачьи полки развалились и погибли, послѣ чего кучка насильниковъ уничтожитъ казачество и захватитъ его земли и воды». По приказу Бирюкова создавались технические средства. Приказъ бывшаго атамана Бирюкова отъ 21 января 1918 года за № 36 приказываетъ немедленно приступить къ постройкѣ для войска бронированнаго автомобиля и вести работы интенсивнѣе, чтобы автомобиль былъ готовъ къ 23 сего января.

Во время хода событій бывший атаманъ Астр. казач. войска Бирюковъ находился въ штабѣ, руководить всѣми военными дѣйствіями, также былъ главаремъ контръ-революціонныхъ движеній, что видно изъ даннаго имъ слѣдующаго показанія: «Я былъ въ штабѣ во время хода событій. Когда я увидѣлъ, что казаки начинаютъ расходиться по домамъ, то я приказалъ сложить знамена и денежныя ящики и свезти ихъ на казачій бугоръ». Далѣе читаемъ въ его показаніи: и въ время отступленія часть казаковъ и офицерская организація отступили въ Калмыцкую степь, и съ войсковыми знаменами дошла до станицы Замьянской въ надеждѣ, что тамъ соберется войсковой кругъ для доклада ему обо всемъ происшедшемъ. На самомъ дѣлѣ онъ остался вѣренъ своимъ задачамъ. И

властью его было до конца оставаться в кругу тех, кто
рыхъ онъ явля въ городъ Астрахань, для сверженія власти
рабочихъ и крестьянъ.

На судѣ свидѣтели, прострже казаки, показывали, что Би-
рюкову всегда были дороги интересы трудового казачества, и
потому послѣ революціи онъ былъ единодушно избранъ ата-
маномъ.

Свидѣтель Осоканъ подаетъ петицію отъ жителей 6-го
участка о смѣщеніи участя Бирюкова въ виду его фискаго
участія въ жизни жителей 6-го участка, гдѣ живетъ преимуще-
ственно бѣднота. Свидѣтели чрезвычайно убѣжденно доказы-
ваютъ, что если Бирюковъ и былъ среди казаковъ, выступив-
шихъ противъ совѣтской власти, то во всякомъ случаѣ, не по
своей волѣ, такъ какъ онъ убѣжденный противникъ великихъ
аромныхъ столицевей.

Астраханцы на Дону.

Рис. Валентина Попова.

Илья Тукдутаев, временный астраханский атаманъ.

Свидѣтели Сусливъ, Простржанинъ и Парисовъ, служащіе
городского водопровода, показываютъ что Бирюковъ, будучи
завѣдующимъ городскими предриятіями, чрезвычайно хорошо
относился къ рабочимъ, улучшилъ ихъ матеріальное положеніе
и прибавилъ жалованье. Рабочіе его чрезвычайно цѣнили и
уважали.

Революціонный трибуналъ отказался вынести приговоръ
Бирюкову и передалъ дѣло въ военно-революціонный трибу-
налъ. Принесенная на это кассационная жалоба была отверг-
нута, а военно-революціонный трибуналъ призналъ И. А. Би-
рюкова виновнымъ въ выступленияхъ противъ совѣтскихъ вла-
стей и приговорилъ его къ заключенію въ тюрьму на 25 лѣтъ.
Содержаться Бирюковъ долженъ въ саратовской тюрьмѣ; срокъ
катала отбытія наказанія 8 июля.

Я. М. Калединъ и свободы.

I.

Калединъ—врагъ свободнаго народа.
Каледину—ненавистны гражданскія сво-
боды.

Калединъ устремляетъ все свѣтъ казач-
чества къ одной цѣли—къ уничтоженію за-
вовацій революціи и къ возстановленію
незаконнаго самодержавія.

Вотъ предствленіе о Калединѣ, составившееся послѣ
его извѣстнаго выступления въ московскомъ государствен-
номъ совѣщаніи, у тѣхъ „демократическихъ“ круговъ кото-
рыя впоследствии захватили въ свои руки власть, повто-
рили зады царскаго самодержавія въ наилучшихъ его про-
вленіяхъ и съ корнемъ вырвали все гражданскія свободы.

А Керевскій, тогда еще кумиръ демократіи, это пред-
ствленіе о Калединѣ постарался внушить всему міру при
помощи печатнаго станка и радиотелеграфа прокричать его
„всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ!“ и даже для вѣщанія убѣдитель-
ности мобилизовалъ цѣлыхъ два военныхъ округа про-
тивъ Каледина, для подавленія его контръ-революціонной
и монархически-реставраціонной дѣятельности.

А между тѣмъ среди государственныхъ дѣятелей, во-
лею судьбы или случая съ кинематографической быстротой
сбывавшихся, у кормила верховной власти во два отрече-
нія Николая II и по день сверженія Временнаго Правитель-
ства,—едва-ли былъ хоть одинъ, такъ бережно и свято ох-
ражившій гражданскія свободы во всей ихъ демократиче-
ской чистотѣ, какъ это дѣлалъ Калединъ.

И дѣлалъ это не въ широковещательныхъ декларацияхъ,
не въ пышныхъ фразахъ съ высокой трибуны, не на гла-
захъ широкой публики подъ ея бурные аплодисменты, для
ея восторженныхъ овацій, для завоеванія себя популяр-
ности.

Нѣтъ, Калединъ дѣлалъ это просто, какъ была проста
вѣя его жизнь,—безъ всякой помпы, безъ фразы и жеста—
дѣлалъ потому, что считалъ себя обязаннымъ дѣлать это
по долгу совѣсти, и дѣлалъ это даже тогда, когда накле-
вать злѣмъ на себя неприянь и прямую вражду вліятель-
ныхъ круговъ, а между тѣмъ легко могъ бы избѣжать этого,
стоило лишь сдѣлать маленькій, самый маленькій уклонъ
въ сторону, чуть замѣтную, совѣтъ мало, едва замѣтную
измѣненію, къ чему тысячи очевидныхъ поводовъ, такихъ по-
нятныхъ, такихъ наглядныхъ давала сама окружающая
жизнь, чрезвычайныя, исключительныя обстоятельства и со-
битія самого переживаемаго момента.

Быть можетъ, скажутъ, въ такое сложное, въ такое
многогранное, въ такое мудреное время и не слѣдовало
вовсе быть слишкомъ цѣльнымъ, слишкомъ последователь-
нымъ, слишкомъ прямолинейнымъ.

Быть можетъ, въ исторической перспективѣ прямая
линія и не всегда есть кратчайшее разстояніе.

Вѣдь, чтобы переплыть бурный потокъ прямо напра-
тивъ, надо взять противъ теченія *наискривъ*.

Можетъ быть, все это и такъ.

Но...

Прямой Калединъ могъ ходить только прямыми пу-
тями.

И вотъ припоминается мнѣ одинъ случай, извѣстный
только мнѣ одному,—маленькій случай, но Калединъ здѣсь
поднялся во весь свой духовный ростъ.

II.

Вижу Алексѣя Максимовича въ его кабинетѣ, во
дворцѣ.

Сидитъ за письменнымъ столомъ. Сидитъ, какъ всег-
да, немного сутулый, спокойный и суровый. Брови угрюмо
сдвинуты. Глаза остро сощурены и въ нихъ поблескиваетъ
сосредоточенное, пытливое вниманіе.

Передъ нимъ—представитель одного изъ крупнѣйшихъ
горнозаводскихъ предриятій на югѣ Россіи. Его прѣздъ
сюда вызванъ исключительными событиями заводской жи-
зни. Аудіенція добился онъ внѣ обычнаго порядка, не въ
опредѣленные часы, срочно, и теперь снѣжно докладываетъ
атаману о томъ, что происходитъ у нихъ тамъ, на заводѣ.

Но его словамъ, выходитъ такъ, что все ихъ огромное
горнозаводское дѣло можетъ быть взорвано сейчасъ дѣ-
тельностью одного казачьяго офицера расположенной тамъ
сотни. Онъ, этотъ казачій офицеръ, опредѣленно ведетъ
агитацію среди рабочихъ. Возбуждаетъ ихъ противъ вла-
дѣльцевъ предриятія, противъ управляющаго, противъ всей
заводской администраціи, противъ инженеровъ... Уже была
вспышка... Едва не былъ убитъ управляющій. Послѣ этого
удалось безпокойнаго офицера убрать... перевести отуда
въ городъ...

— Какъ перевести? Убрать? — перебиваетъ Калединъ,
искренне изумляясь.— По закону этого нельзя сдѣлать, ес-
ли его часть осталась тамъ и онъ не получалъ новаго на-
значенія, а такого приказа не было.

Калединъ смотритъ вопросительно, и его густыя брови ниже надвинулись на сощуренные глаза.

Представитель завода ничего не отвѣчаетъ на наивный вопросъ Каледина. Да и что могъ бы онъ сказать?! Ну, пусть по закону и нельзя, а вѣдь съдѣлано... На то нужно убѣдѣ, связи, знакомства...

Не отвѣчая на вопросъ Каледина, представитель завода въ мягкихъ, но убѣдительныхъ выраженіяхъ продолжаетъ рисовать дальнѣйшую вредную дѣятельность казачьяго офицера. Оказывается, онъ сталъ тайкомъ приходить изъ города на заводъ. Конечно, администрація не пропустила бы его въ мастерскія черезъ главный входъ; поэтому онъ, при помощи сочувствующихъ ему рабочихъ, пробирается скрытымъ путемъ, черезъ задворки и чуть ли даже не черезъ заборъ, и такимъ образомъ попрежнему продолжаетъ свою дѣятельность, крайне опасную для завода...

— Его нужно пресѣчь, а его самого — подальше и окончательно убрать, чтобы онъ лишился бытъ всякой возможности появляться на заводѣ, — мягко, но многозначительно заканчиваетъ представитель завода.

Калединъ въ упоръ смотритъ ему въ глаза прямымъ и тяжелымъ взглядомъ.

— Чего же вы отъ меня хотите? — негромко, сдержанно и четко спрашиваетъ онъ.

Представитель завода, опять не отвѣчая на вопросъ, еще болѣе мягкимъ голосомъ, но еще болѣе мрачными прасками изображаетъ дѣятельность казачьяго офицера среди рабочихъ. Онъ ихъ систематически развратилъ и распропагандировалъ. А такъ какъ заводъ обслуживаетъ крупныя государственныя интересы и работаетъ на оборону, то нужно немедленно, сейчасъ же принять самыя рѣшительныя мѣры, чтобы офицеръ болѣе не могъ появляться на заводѣ, собирать рабочихъ и среди нихъ агитировать.

У Каледина еще крѣпче сдвигаются брови надъ сощуренными, холодно поблескивающими глазами, напряженно устремленными на говорящаго.

— Такъ вы хотите, чтобы я запретилъ офицеру являться на собранія рабочихъ? Чтобы я арестовалъ его? — прямо спрашиваетъ Калединъ.

— Иначе станеть заводъ, погибнетъ все дѣло и государственныя интересы пострадаютъ, и все — изъ-за какого-то казачьяго офицера...

Калединъ молчитъ некоторое время. Потомъ говоритъ медленно, не повышая голоса, съ остановкой почти послѣ каждого слова.

— Хотя онъ и казачій офицеръ, но онъ — гражданинъ, и ему принадлежитъ свобода слова, а рабочимъ — свобода собраній. Вѣтъ суда арестовать его я не могу.

Калединъ умолкъ, и въ его глазахъ подъ насупленными бровями — огонекъ, глухой и враждебный. Миѣ показалось, — гнѣвный огонекъ... На кого онъ гнѣвался? На что? На свое безсиліе? Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ безсиленъ былъ въ борьбѣ съ какимъ-то казачьимъ хоруужимъ? Онъ, облеченный всей полнотой власти?! Онъ могъ убрать того, и никто слова не сказалъ бы... Наконецъ, у него — вѣтъ средства. Вѣдь онъ такъ легко могъ прикрыться интересами государства. Какой провозвонъ не оправдывался этимъ?! Могъ онъ сдѣлать это чужими руками, и — чисть, никакихъ нарекавій, а „негръ“ всегда нашелся бы... или онъ уже самъ сознавалъ, что „свободы“ — не для русскаго „народа“, но законъ, пока онъ не отмѣненъ, есть законъ... Въ чемъ же его безсиліе?

Въ его рыцарской честности до конца.

Въ кристальной чистотѣ души его до послѣдьяго ептайника.

Клагородный и прямой, онъ не могъ тайкомъ украсть у одного гражданина тѣ свободы, которыя открыто даны были всему народу.

Прямой Калединъ могъ ходить только прямыми путями.

Павелъ Казминовъ.

Походъ на Москву.

Мрачная осень семнадцатаго года. Положеніе казачьихъ войскъ въ связи съ большевистскимъ переворотомъ 25-го октября въ Петроградѣ все болѣе и болѣе ухудшалось.

Большевистское движеніе, захвативъ въ свои цѣпки руки весь сѣверъ, грозило переброситься на юго-востокъ, чтобы залить и его кровью.

Только что зародившійся Юго-Восточный Союзъ не только не имѣлъ своей арміи, но даже не успѣлъ еще организовать своего Правительства, а между тѣмъ требовалось принятіе экстренныхъ мѣръ въ смыслѣ объединенія наличныхъ военныхъ силъ союза для того, чтобы парализовать дальнѣйшее теченіе анархій и грядущихъ на югъ во слѣдъ ей ужасовъ.

Событія наярывали и текли съ быстротой молнии.

Большевизмъ, подобно густому осеннему туману, нависая съ сѣвера, постепенно со всѣхъ сторонъ опоясывалъ юго-востокъ.

Тревожной жизнью зажилъ городъ Ермака и Платова — Новочеркасскъ. А изъ сердца Россіи Москва шла вѣсти одна страшнѣе другой о томъ, что враги Родины готовятъ союсская войска къ походу противъ Дона.

Всѣмъ было ясно, что паденіе Дона ставило весь юго-востокъ въ безвыходное положеніе въ виду неорганизованности его силъ и ухудшало и стратегическія условія въ будущей борьбѣ его съ большевиками.

Необходимо было, напрячь всѣ силы къ тому, чтобы, если бы даже и не удалось спасти Донъ, то хоть выдержать натискъ большевистскихъ лавинъ, пока будутъ организованы и подготовлены войска всего юго-востока.

Въ атаманскомъ дворцѣ, гдѣ засѣдали представители юго-востока и нѣкоторые генералы бывшей Россійской арміи, экстренно обсуждались всѣ эти вопросы.

Астраханцы на Дону.

Рис. Валентина Полити.

Крыштофовичъ, предсѣдатель астраханскаго правительства.

Атаманъ Калединъ со своей обычной манерой говорить тихо, коротко и отрывисто, охарактеризовавши картину разрушительныхъ дѣйствій красноармейцевъ, захватъ ими Москвы и другихъ центровъ, высказалъ необходимость подачи помощи Москвѣ.

Такое неожиданное заявленіе атамана, высказанное твердо и убѣжденно не могло быть случайнымъ, а являлось, очевидно, плодомъ долгихъ и серьезныхъ размышленій.

Всѣ присутствовавшіе на засѣданіи, пораженные неожиданностью, молчали.

Понятно было, что глубокая вѣра въ правоту своихъ идеаловъ и вѣра въ свѣтлое будущее толкали этого кристаллически чистой души человѣка къ мысли о необходимости похода на Москву.

Дальше атаманъ высказался, что онъ прекрасно сознаетъ, что въ такой моментъ, „когда все крестьянство отравлено ядомъ большевизма“ и „когда пожаръ возстанія готовъ вспыхнуть и на Дону“ опасно и нецелесообразно отвлекать надежныя войсковыя части, но онъ настолько вѣритъ въ правоту своего намеренія и считаетъ настолько важнымъ оказаніе помощи страждущимъ героямъ, что находитъ походы на Москву необходимымъ.

Проектъ А. М. Каледина вызвалъ пренія. Преобладающее большинство собравшихся доказывало, что когда сѣверъ охваченъ Антоновымъ огнемъ, когда волны мутной Невы вышли изъ береговъ и угрожаютъ затопить весь югъ, выбрасывать свои силы за предѣлы Дона—значитъ ослабить себя и отдаться безъ борьбы въ руки большевизма. Россія гибнетъ въ конвульсивныхъ содроганіяхъ, юго-востокъ—въ опасности. Но если большевизмъ охватитъ и юго-востокъ, то этимъ нанесенъ будетъ смертельный ударъ Россійской государственности.

Теперь насталъ моментъ, когда юго-востоку должно отделиться отъ сѣвера и создать крѣпкій союзъ съ сильной арміей изъ здоровыхъ элементовъ края. Внешняя война со временемъ выдвинетъ международную мирную конференцію и тогда представителями юго-востока можетъ быть оказана дѣйствительная помощь Россіи.

А. М. Каледина поддерживали генералы Алексѣевъ и Сахаровъ, бывшіе на собраніи. Генераль Сахаровъ настаивалъ на немедленной подачѣ помощи Москвѣ.

Когда выяснилось, что большинство собравшихся противъ похода на Москву, генераль Сахаровъ иронически замѣтилъ:

— У васъ, господа, своя политика и дай вамъ Богъ успѣха.

А затѣмъ добавилъ:

— Теперь время, когда личность имѣетъ громадное значеніе и вліяніе на ходъ событій. У васъ, господа, такой величины является А. М. Калединъ. Группируйтесь и объединяйтесь вокругъ него.

Наступила пауза.

Ее нарушилъ генераль Алексѣевъ, сидѣвшій около молчавшаго все время А. М. Каледина. Ни къ кому не относясь, генераль сказалъ:

— Россія гибнетъ и никто не желаетъ спасти ее. Нѣтъ героевъ, нѣтъ личностей, которая пожертвовала бы собой для спасенія родины.

Произнеся эти простые, но жуткія слова, старый боевой генераль заплакалъ.

Настроеніе создалось тяжелое.

Атаманъ продолжалъ сидѣть все такъ же молча, но ясно было, что въ душѣ его боролось два чувства: любовь къ гибнущей на его глазахъ Россіи и любовь къ казачеству, правда еще пока сохранившемуся, но близкому къ паденію. Это была борьба атамана-казака съ казакомъ-гражданиномъ гибнущей Россіи. Чувствовалось, что атаманъ ждетъ чего то.

Астраханцы на Дону.

Рис. Валентина Полити.

И. А. Добринскій, начальникъ политическаго отдѣла астраханскаго правительства.

Тогда выступил представитель Кубани черкесь Шахимъ Султанъ-Гирей и, обращаясь почти исключительно къ генераламъ Алексѣеву и Сахарову, сказалъ:

Да, къ великому нашему сожалѣнью, мы живемъ въ моментъ войны Россіи. Она можетъ погибнуть, но еще не погибла. Мысли наши едины, но разны способы проведенія ихъ въ жизнь. Вы предлагаете перебросить на Москву крупную казачью войсковую часть. Мы не отказываемъ вамъ въ этомъ. Героизмъ и самопожертвованіе личности имѣетъ значеніе, но будетъ разсматриваться героизмъ лишь въ томъ случаѣ, когда окружающая обстановка свидѣтельствуетъ о необходимости

Астраханцы на Дону

Рис. Валентина Политы.

Поля Г. В. Рыбоз-Рыбетинъ, начальникъ штаба астраханскаго войска.

сти и целесообразности такого, въ противномъ случаѣ это самопожертвованіе и бесполезно и гибельно для дѣла. Мы все уважаемъ и цѣнимъ генерала Каледина, но рѣшительно протестуемъ противъ его похода на Москву. Не Москва и Воронежъ спасутъ теперь Россію и юго-востокъ, а наше объединеніе, организованность и противопоставленіе силъ—силъ же. Я не стратегъ. Вѣрю вамъ, я даже убѣжденъ, что Москва можетъ быть вами взята, но дальше-то, дальше что? Широкая народная масса—на сторонѣ большевиковъ, обещающихъ миръ и хлѣбъ. Лозунги эти нами не приемлемы, правда и большевики не смогутъ ихъ осуществить, но тѣмъ не менѣе они понятны народу и заманчивы. Кроме того вѣдь сейчасъ масса не только не вѣритъ интеллигенціи, но даже враждебна ей. Пока что, задача наша сохранить хоть одинъ уголокъ, откуда можно было бы начать борьбу въ нужный моментъ, когда масса, стряхнувши съ себя ослѣпившій ее красный кошмаръ, сама позоветъ насъ на помощь. А при существующихъ условіяхъ самопожертвованіе обаятельныхъ личностей, извѣстныхъ своей честностью и авторитетомъ, преступно.

Генераль Калединъ всталъ, какъ-то особенно выпрямился и, медленно отчеканивая слова, произнесъ:

— Я—казакъ и интересы казачества для меня дороже всего. Установимъ на юго-востокѣ порядокъ и тогда увидимъ войти-ли намъ въ составъ Россіи, какъ автономной области или же на началахъ федеративныхъ. Распоряженія свои о походѣ на Москву и Воронежъ отмѣняю.

Такъ былъ отмѣненъ походъ на Москву атамана Каледина.

Ник Туземцевъ.

(Изъ цикла «Въ Донскихъ степяхъ»)

В долине селѣжисъ въ Усть-Медвѣдицкой станицѣ похоронены жертвы боя 6-7 июля. Похоронены впрямую наравнѣемъ на скалу высочайше утесу горы «Пирамиды», гдѣ и погребены вѣнцы казачьи.

«Сказка Дона» томъ 10 июля 1918 года.

Свершилось. Съ жизнью конченъ ранній счетъ.
Все отдали, жизнь отдали за други;
Спасли народъ на трудъ и на досуги.
Къ ихъ подвигу чью мысль не увлечетъ?
Свершили дѣло доблести казацкой
И, спасши братьевъ, спятъ въ могилѣ братской.

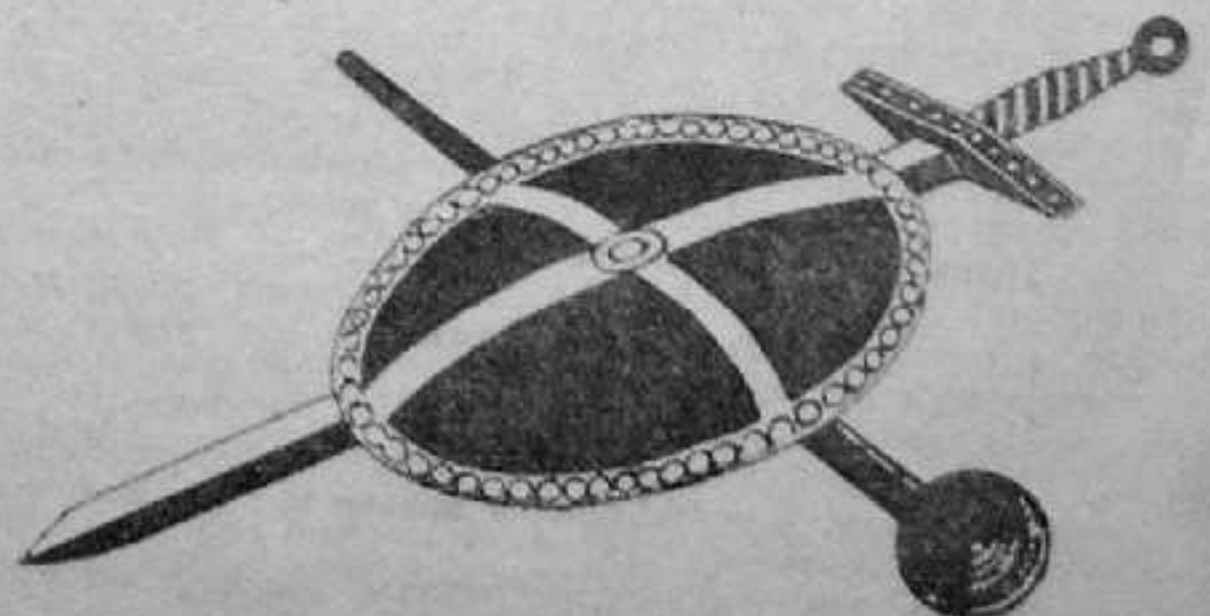
Свершилось. И зарыты ихъ гроба
На темени горы большой, гдѣ вѣетъ
Лишь вѣтеръ вольный, гдѣ лишь дождикъ съѣтъ
Посѣвъ цвѣтовъ, да выюся ястреба
И вмѣстѣ спятъ героя тамъ родные,
Орлята Дона, рыцари степные.

И съ той горы стель видно далека,
Раскинулась она зеленымъ лугомъ,
И Донъ идетъ могучимъ полукругомъ,
Вдали блестя Медвѣдица-рѣка;
Внизу-жъ, у ногъ могилы богатырской
Сіяютъ главы церкви монастырской.

И въ часъ, какъ хоронили ихъ, вдали
Надъ полемъ, гдѣ они сраженны пали,
Склубились тучи, молнии засверкали,
И полосы дождя съ небесъ сошли;
Но обошли, гонимы дуновеньемъ,
Тѣ тучи вокругъ холма съ благоговѣньемъ.

Такъ, гору ту могилой сдѣлалъ фрокъ,
И подвигъ сдѣлалъ гору ту престоломъ
Стоитъ она, вздымаяся надъ доломъ
И синимъ Дономъ, между двухъ дорогъ;
Тамъ чобора святое благовонье,
И молится ей мгlistое Задонье.

Сергій Пинусъ.

У этой стѣны въ Батайскѣ разстрѣливали «контр-революционеров».

Въ Батайскѣ.

1. Разсказъ очевидца.

Возвращаясь съ юго-западнаго фронта, послѣ шестнадцатидневныхъ скитаній и мыканій по совѣтской республикѣ, я наконецъ попалъ въ Батайскъ 6 февраля.

Здѣсь буйствовала пресловутая 39-я дивизія, пришедшая съ Кавказскаго фронта. Я постарался скорѣе убраться въ село, гдѣ жили мои родители. Моя сѣрая панaha, двубортная шинель и чемоданъ заставили косо смотрѣть на меня тогдашнихъ властителей судебъ.

Около полотна желѣзной дороги, недалеко отъ желѣзнодорожныхъ ледниковъ, подъ откосомъ лежалъ въ одномъ бѣломъ трупъ красиваго молодого человѣка.

Его руки были разбросаны по снѣгу, голова была разбита, какъ видно, прикладомъ, а мозги лежали подлѣ нея. Снѣгъ былъ обрызганъ кровью. Подъ самымъ же трупомъ снѣгъ отъ теплоты тѣла подтаивалъ. Потомъ я узналъ, что это былъ трупъ офицера добровольческой арміи.

— А какой онъ былъ въ послѣднія минуты, — передавали очевидцы, — блѣдный, глаза опущены и лицо такое страдальческое.

Разсказываютъ еще, что, когда его стали раздѣвать, то онъ сказалъ:

— Братцы, отпустите меня, вѣдь я же родину защищалъ и поблю ее не меньше васъ.

Вмѣсто отвѣта его ударили прикладомъ въ спину и онъ со стономъ опустился на снѣгъ. Одинъ изъ палачей выстрѣлилъ ему въ грудь, но несчастный оставался еще живымъ. Тогда другой палачъ прикладомъ по головѣ покончилъ съ нимъ. Ставили съ трупа сапоги и брюки и уши.

Трупъ пролежалъ болѣе сутокъ. Проходившіе мимо были въ ужасѣ отъ такого зрѣлища, не исключая даже и тѣхъ, кто и сочувствовалъ большевикамъ. Кто его убралъ и куда неизвестно и до сихъ поръ.

На станціи былъ другой случай:

Красноармейцы задержали «кадетовъ», врача и его жену, фамилія которыхъ неизвестна, и повели ихъ въ военно-революціонный комитетъ.

Врачъ предложилъ единственныя деньги, которыя при немъ были, — около 10 тысячъ.

Комитетъ деньги взыскъ, но не освободилъ палачиковъ.

Изъ разстрѣлки. Жена врача долго умолила, чтобы пощадилъ ея мужа, а вмѣсто того разстрѣляли ее, если это необ-

ходимо. Но «красные» были неумолимы. Убитые были раздѣты и одежда ихъ здѣсь-же была продана, а въ особенности — женская и эти жертвы были брошены безъ погребенія. Черезъ нѣсколько часовъ къ нимъ прибавилось еще нѣсколько труповъ, были здѣсь и офицеры и люди, пришедшіе почему-либо кадетами.

Трупы валялись на мерзлой землѣ, проходившіе мимо красногвардейцы ругались надъ ними, а почмо къ трупамъ пришли собаки.

На утро стали собираться толпы у мѣста разстрѣлка, чтобы посмотрѣть на работу собакъ. Голодные собаки оторвали у трупа врача руки и обглодали его, терзали и тѣло, не тронувъ только лица.

— Нужно бы убрать трупы и не давать ихъ собакамъ на съѣденіе, — сказалъ кто-то робко изъ толпы.

17 іюня въ Батайскѣ

Послѣ панихиды.

Красноармеецъ сталъ въ боевую позу и сказалъ:

— Гадъ ихъ собаки ѣдятъ, значить собакѣ и собакамъ честь, — и трупы лежали еще два дня необращенныя.

Стрѣльниковъ.

2. 17 июня — день скорби.

17 июня этого года узнало и протяжно гудяль церковный колоколь; звуки его далеко-далеко разносились по окрестностям; призывая людей горячо помолиться за мучеников.

И церковь была переполнена народом; здесь были офицеры, интеллигенты, мужички и пошекия части, пришедшие отдать почести шавшим борцам за право и справедливость.

После заукобойной литургии процессия из церкви под скорбные звуки похоронного марша направилась к кладбищу. Там на приготовленной братской могиле перешел погребением священником Н. Дублинским была произнесена трогательная речь, заставившая многих рыдать.

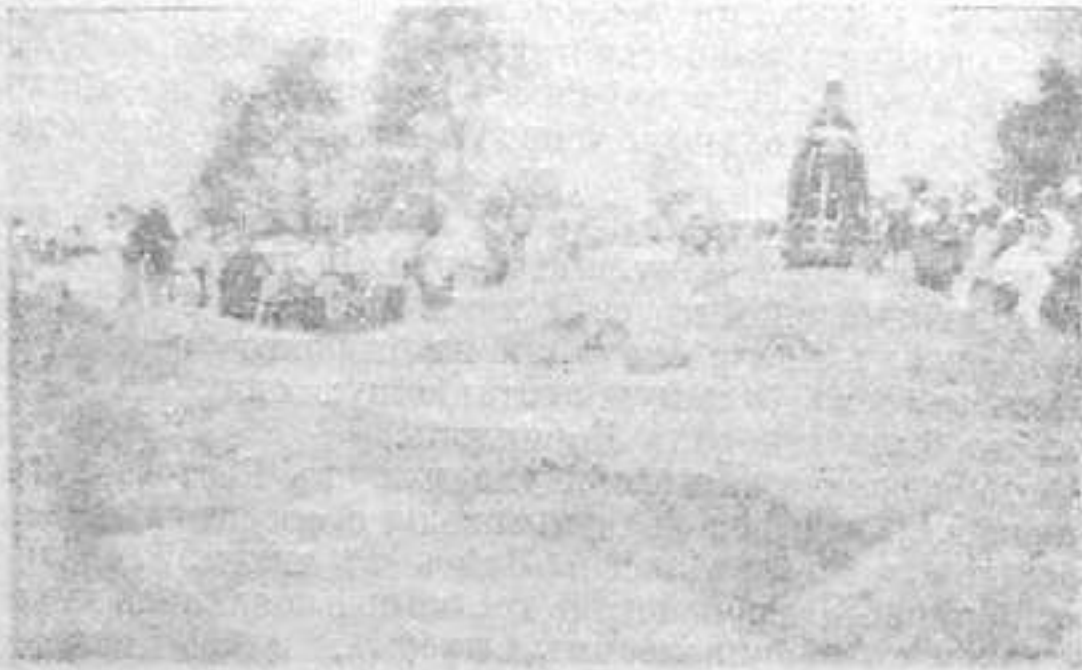
— Невиданное на Руси зрелище! Печальное зрелище! — при гробовой тишине начал священник. — Мы погребаем мучеников, святых праведных мучеников, призвавших лютого смерти от руки озверившего народа!

Мы погребаем офицеров русской армии и пролиль в ранах символ родины, погибших от людей, потерявших честь и совесть, предавших родину, грабивших ее и убивавших ее посмертных защитников!

Ах, лопать намь даны глаза, чтобы видеть этот позор отечества! Знать намь даны уши, чтобы слышать то, что мы слышим!

Мы погребаем доблестных мужей, ради спасения отечества остановившихся сражать верных жонь в доклами, мы хороним вдовщек, оставивших своих плачущих матерей и пошедших на кровавую шшу! Мы хороним русских женщин и девушек, которые имьли мужество сикло сморьеть на глаза смерти и не дрогнули в смертную минуту!

17 июня в Батайск.

Священник Дублинский произнесает надгробную речь.

Есть они погибли напрасно, невинно, только потому, что озверившему народу захотелось напиться святой человеческой кровью, но они погибли трогательно и мужественно, как герои.

Вот, например, офицер Новосильцев! Единственный взрослый сын у своих родителей! Съ далекого фронта слышит он объять свою мать и отца, но в Батайск его схватили красногвардейцы. Сидя под арестом, он говорил своему товарищу по несчастью:

— Я смерти не боюсь, но что будут делать мои бедные родители? Впрочем, жить хочется. Ах, как хочется жить!

Его вывели во двор, грянуло выстрел предателей в спину. Молодой офицер упал, обливаясь кровью... подбегая матрос и выстрелом в голову докончил жертву.

Вот фхал, например, военный чиновник Вавиловъ съ женой съ кавказского фронта домой, в Ростов. Его задержали в Батайскь воздъ Никольской церкви и приказали раздвигать. Когда же он медлил, один красногвардеец всадил ему штык в спину, а другой в грудь. И когда умирающей орованной рукой пытался вынуть из груди штык, выстрелы докончили его. Принялись за его жену и приказали раздвигать. Та на колбах умоляла не раздвигать ее, как женщину, и разстреливать в платок. Ее оставили только в бляди. Когда же замблили у нея на груди золотой крестик, то они стали срывать его. Напрасно несчастная женщина умоляла.

— Я вде христианка, убьете, тогда в крестъ возьмете! Крестъ все-таки сорвали. Тогда огорченная женщина воскликнула:

— Мерзавцы! Вы думаете, что я боюсь смерти? Навъ!

Бросила штык в глаза вылезает съ донгвом!

— Вотъ вамъ за то, что убили мужа.

Потом сорвала золотые серьги и други украшени и бросила, сказала:

— А это вамъ за то, что меня убьете.

Ее, как и мужа, пристрелили, а потом, парубки шавками... Бляде окрашенное, ботинки, талома сейчас же сняли и продали тут же стоявшая батайским бабамъ, раздвигавшимся тому, как расправляются съ шадетами и буржуазией.

Вот супруги молодой военной врач съ женой. Его расстрелили за то только, что звал офицеров; ее оставили. Но когда жена не хотла пережить любимого мужа и сказала: «Разстрелили мужа, стреляйте и в меня, не хочу теперь жить». — «Нтъ, пусть живетъ», — сказали даже офи-солдаты, но подкочили матросъ и со словами: «Что тут разговариваетъ», застрелили молодую женщину.

Из отряда полковника Шурена, чтобы предупредить самосуды, отправлено было в волостное призыве шест офицеров и среди них передаткъ въ офицерскую форму злуша доброволя. Они вошли сказать чужую жизнь, но все заплели за это свою жизнь. Они были свячены, предательски схвачены народомъ. Ихъ были палками, поднимали вылами, добивали саблами, и а нехотл несчастье видеть ихъ растерзанными еще трепетавшимъ тѣлом.

Милые, дорогие, вѣчные юности и девушки! Слышат ли вышми матерямъ ужасная наша смерть подъ грязными саблами озверившего народа? Вѣчная, вѣчная, памяти вамъ дорогие и незабвенные.

Такъ кончилъ свою проповѣдь священникъ.

Послѣ речи при общемъ стоѣ и плачѣ въ обширную могилу, засыпанную цвѣтами, было опущенъ дѣ гроба съ тѣлами замученныхъ.

Въ числѣ этихъ страдальцевъ былъ похороненъ вахмистръ Митяинского полка Нинта Ковалевъ, убитый въ бояхъ противъ большевиковъ на Батайскомъ фронтѣ. Его отецъ старый казакъ, закаленный воинъ, съ женой убитого сына прѣхалъ за тѣломъ послѣднего. Но когда увидѣлъ почетные похороны, онъ рѣшилъ тѣло сына не брать, сказалъ:

— Царство ему небесное! Онъ честно выполнялъ свой долгъ, передъ роднымъ Дономъ, и теперь пусть его тѣло до-

17 июня в Батайск

У братской могилы

конца въ этой братской могилѣ вмѣстѣ съ другими героями-мучениками, похороненными по христианскому обычаю и съ воинскими почестями!

Сказавъ это, старикъ отошелъ въ сторону, чтобы скрыть слезы.

Старикъ не плакалъ, не велѣлъ плакать и вдовѣ сына.

А. Павловъ

Федоръ Баткинъ

Раннею революціонною весною вышло и пропало имя матроса Баткина — одно изъ тѣхъ именъ, которыя выросли какъ-то мгновенно, и, послѣ дней, отмѣченныхъ грустными именемъ Керенскаго, уходили, окруженные дымкою своего собственнаго политическаго романтизма, уходили, но не терялись въ сумбурѣ конмарной эпохи, не умирали въ шумные дни юля и августа, не выбрасывались изъ жизни въ октябрѣ...

Федоръ Баткинъ вошелъ въ русскую революцію въ тѣ дни, когда отъ Балтійскаго до Чернаго моря напрягалась вершительная и болѣзненно русская воля къ великимъ дѣламъ. Только что разившаяся революція уже начинала тонуть въ русскомъ мелководьи, и уже вставали надъ нею призраки краха, осязая кризисъ мысли, власти и воли.

Надо было стихийными волнами народнаго подъема устранить мелководье, надо было вливать въ высохшіе берега новыя рѣки.

Фронтъ, огромный, тревожно шумѣвшій, распоясавшійся съ февральскихъ дней фронтъ, нужно было взять въ сильныя руки, и мысль и волю всего этого необъятнаго людскаго моря направить въ одно, бьющее грознымъ водопадомъ русло.

Вотъ тогда начинали выходить на берегъ грозной фронтовой рѣки люди съ новыми, еще невѣдомыми для Россіи именами.

И съ береговъ Чернаго моря, оттуда, гдѣ еще властно держалось тогда славное имя адмирала Колчака, чрезъ всю Россію, къ столицамъ и линіи огня пошла молва о новыхъ словахъ и призывахъ черноморскихъ людей. Черноморскій флотъ съ братскимъ призывомъ обращался къ русской арміи — будилъ засыпавшую доблесть.

И все громче и чаще молва о черноморскомъ подъемѣ называла имя матроса Федора Баткина. О Баткинѣ начинали слагаться легенды:

Баткинъ — севастопольскій Керенскій. Колчакъ — доблесть и огневая душа черноморскаго флота, Баткинъ — политическій гувернеръ корабельныхъ командъ.

Баткинъ дѣлаетъ неожиданное, тогда казавшееся такимъ желаннымъ и радостнымъ:

Черное море заповѣдало арміи святую борьбу на жизнь и смерть за русское будущее, за русское счастье.

И армія притихла, прислушивалась нерѣшительно и осторожно.

А по Россіи уже подымался и ширялся новый кличъ. Готовилась ли великая подлость или дѣлалась роковая ошибка, — но шла страна уже быстро и рѣшительно къ чертѣ, закончившейся сусальной славой 18-го юня и невѣроятнымъ разваломъ фронта, арміи и Россіи.

Болѣзненную, порывистую знойность будили въ холодъ весенняго вѣтра знойные люди. Знойнымъ, по южно-русскому, черноморскому, былъ Федоръ Баткинъ. И этотъ зной онъ внесъ въ кличъ черноморцевъ, раздавшійся въ маѣ 1917 года.

Первый разъ я видѣлъ и слушалъ Баткина въ Петроградѣ, въ циркѣ „Модернъ“. Черноморцы устраивали митингъ и делегаты Чернаго моря были триумфаторами петроградскаго дня.

И еще разъ, въ эти же памятные петроградскіе дни, Баткина видѣлъ я въ Бѣломъ залѣ Арміи и Флота. Тогда только что открылся первый Всероссійскій офицерскій

съѣздъ, и здѣсь, отъ лица черноморцевъ, насъ, делегатовъ окопнаго, фронтоваго офицерства, привѣтствовали маленький худой матросъ, мускулистый, подвижной, весь, какъ клубокъ первовъ, какъ мячъ, упругій и быстрый.

Керенскій, Милуковъ, Шингаревъ, поляки, французы, японцы, бельгийцы...

И съ палубы черноморскаго крейсера — матросъ Баткинъ.

„Простой“ матросъ былъ нѣсколько дней петроградскимъ кумиромъ. Но петроградцы быстро узнали, что простой матросъ давно уже извѣдывалъ Европу, былъ въ какомъ-то заграничномъ университетѣ, говоритъ на иностранныхъ языкахъ.

Праздникъ 18 юня — и трагедія 6 юля.

Длинный рядъ страшныхъ русскихъ дней.

Корниловъ, Крымовъ, Савинковъ, Гатчина, октябрь, конецъ весенней революціи...

И памятная тяга на Донъ, къ ступенямъ атаманскаго дворца въ Новочеркасскѣ, передъ которыми стоялъ поочередно почти весь правительственный Петроградъ дней Керенскаго.

Въ дни, когда на Донъ пробирались съ вѣрными текинцами быховскіе узники, въ Ростовѣ, а затѣмъ и въ Новочеркасскѣ, появился Федоръ Баткинъ.

Не было громадныхъ сбѣлыхъ залъ, не было делегаций и митинговъ. Были донскіе города, уже охватывавшіеся цѣпкимъ кольцомъ красногвардейскихъ эшелонровъ. И въ хмурые, подавленные вечера въ грустныхъ ростовскихъ кафе я помню встрѣчи съ Баткинымъ, совсѣмъ не тѣмъ Баткинымъ, который заставлялъ дрожать отъ оваций стѣны петроградскихъ залъ.

Былъ Баткинъ — тѣнь весеннихъ дней, грустная, незамѣтная и сѣрая. Можетъ быть, былъ онъ такимъ и до революціоннаго мая. Можетъ быть, такимъ знали его южныя таверны на приморскихъ берегахъ:

Сжавшимся, приклеившимся къ століку кафе, мечтавшимъ о скромныхъ поѣздкахъ по краю и лекціяхъ въ дни, когда рѣшительно и твердо могли говорить только одни пулеметы.

Въ Баткина уже не вѣрили и видѣли въ немъ только отзвукъ красивыхъ минувшихъ дней. И лишь одинъ огромный, приковывавшій къ себѣ вниманіе всей Россіи человекъ, совсѣмъ иначе смотрѣлъ на бывшаго черноморца и видѣлъ въ немъ большую агитаціонную силу.

Это былъ генералъ Корниловъ.

Добровольческая армія уходила изъ Ростова. Въ Новочеркасскѣ на нѣсколько мгновений сосредоточилась жизнь любопытнаго кружка людей. Здѣсь, въ тихой, „контръ-революціонной“ „Европейской“ гостиницѣ появились люди живой связи съ корниловскимъ штабомъ, здѣсь находилось нѣсколько русскихъ журналистовъ съ слишкомъ определенными именами. И здѣсь появился Федоръ Баткинъ.

Онъ приходилъ къ намъ, въ редакцію „Вольнаго Дона“, который мы выпускали даже тогда, когда развѣды противника подлетали къ самому Новочеркаску.

— Хотите имѣть мою статью? Сколько заплатите?

— Статью давайте.

Добавляю шутя:

— А заплатимъ столько, сколько всѣмъ платимъ.

— Развѣ вы не знаете, кто я? Я Федоръ Баткинъ. Рубль за строку...

А вечеромъ, проходя по лѣстницѣ во второй этажъ „Европейской“ гостиницы, гдѣ и я жилъ, я за ломбернымъ столікомъ на верхней площадкѣ находилъ цѣлую компанію, и адѣсь снова былъ веселье и оживленіе Федоръ Баткинъ.

Съ послѣдними частями новочеркаскаго гарнизона ушли многіе. Съ партизанами Семилѣтова ушелъ и Баткинъ. Больше я его не видѣлъ и не имѣлъ о немъ никакихъ вѣстей. И вотъ, нѣсколько дней тому назадъ, въ мѣстныхъ газетахъ появилась эта жуткая телеграмма о концѣ Федора Баткина:

Его, въ числѣ другихъ, попавшихъ въ руки большевиковъ на Кубани, зарѣзали...

Страшныя строки о невѣроятномъ — и такомъ уже обычномъ, съ чѣмъ за нѣсколько мѣсяцевъ научилась свѣтаться измученная мысль.

Отвратительно и страшно оборвалась знойная черноморская сказка.

Баткинъ былъ сказкой цѣпкихъ береговъ.

Эта скака вилась отъ бастіоновъ стараго Севастополя до грустныхъ береговъ Невы. Ее сковала ледянымъ дыханіемъ холодная донская осень. И умертвилъ зло и страшно ножъ кубанскаго бандита.

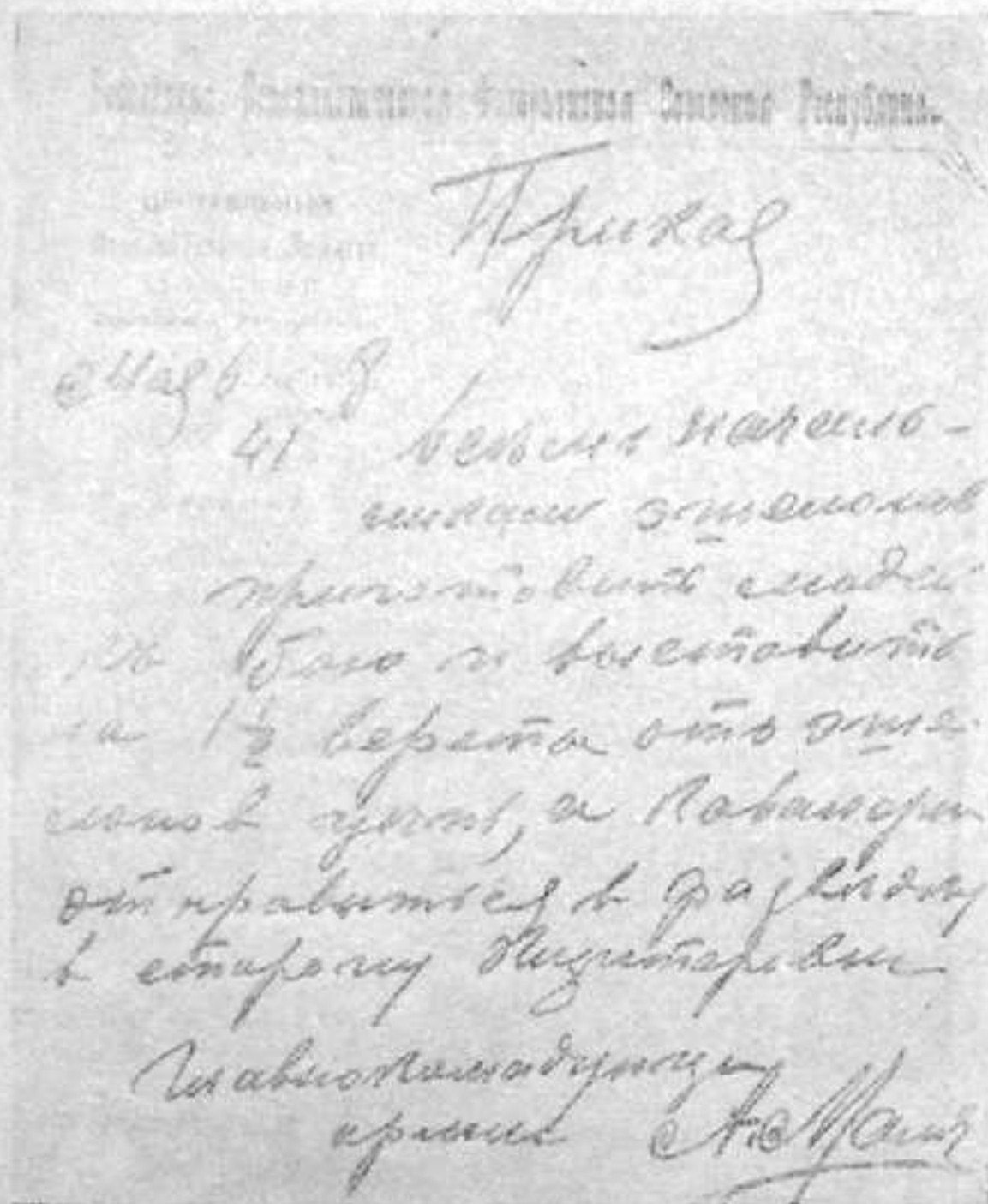
Отъ Чернаго моря былъ весь онъ, знойный и нервный. И въ ряду солдатъ прошлагодняго мая такимъ останется черноморскій матросъ Федоръ Ваткинъ...

Николай Литвинъ.

Миллионеръ на воеводство.

Последнимъ главноверхомъ совѣтскихъ войскъ въ Ростовѣ былъ миллионеръ Маловъ, уволенный изъ милиціи за уголовныя дѣлѣя. Въ красномъ станѣ онъ быстро сдѣлалъ карьеру и ему пришлось даже прикрывать отступление совѣтскихъ войскъ отъ Ростова въ апрѣлѣ текущаго года.

Маловъ на прощаніе съ Ростовомъ едва не привелъ въ исполненіе приказъ о мобилизаціи всего населенія города для борьбы съ наступающими войсками, подходившими къ Ростову.

Печатаемый нами боевой приказъ — одинъ изъ послѣднихъ приказовъ Малова и относится къ оборонѣ Ростова отъ наступающихъ войскъ, шедшихъ отъ Аксая и Новочеркасска.

Въ немъ, помимо общей курьезности, любопытно, что главнокомандующій не знаетъ даже точнаго названія ближайшей къ Ростову желѣзнодорожной станціи и Кизитеринку величаетъ Кизитеровкой.

Туманы.

По изумруднымъ тканямъ луговыхъ ковровъ (Ихъ нѣжно лучъ соткалъ — искрящійся, горячій) Бредутъ стада таинственныхъ коровъ. Безформенны огромны и незрячи. Сѣдые пастухи — осенніе вѣтра — Ихъ гонять тонкими упругими бичами. И осень — смерти вѣрная сестра — Обводитъ міръ печальными очами. Бредутъ, бредутъ стада, травы не шевеля. Луговъ тяжелыми копытами не роая, И замираетъ мудрая земля Въ предчувствіи глубокаго покоя.

Юрій Zubовскій.

М. П. Богаевскій о судьбахъ Россіи.

Въ № 1 «Донской Волны» приводилось письмо М. П. Богаевскаго къ Виктору Сѣвскому, въ которомъ «невостовый Митрофанъ» рассказывалъ о той лекціи, которую онъ прочиталъ для съѣхавшихся въ Новочеркасскъ въ началѣ января текущаго года народныхъ учителей. Лекція Богаевскаго о казачествѣ на этомъ съѣздѣ вызвала много разговоровъ въ стѣнахъ Каледина и была большимъ событіемъ въ то время.

Въ письмѣ къ Виктору Сѣвскому по этому поводу М. П. Богаевскій писалъ:

— Въ воскресенье читалъ для народныхъ учителей лекцію о казачествѣ. Былъ въ голосѣ и «ударѣ». Три часа рассказывалъ. Чутко и напряженно слушала аудитория. Надвигались сумерки, предрезвенныя отъ сырого мрачнаго тумана. Сумраченъ былъ и конецъ лекціи. Подвиженной разошлась аудитория. Стало пусто и на душѣ лектора.

Заключивъ свою лекцію М. П. Богаевскій своими мыслями о судьбахъ Россіи.

— Мой ректоръ по Петроградскому университету профессоръ Эрвинъ Гриммъ, историкъ, на мой вопросъ по поводу событій и относительно возможности предсказать о томъ, что будетъ дальше, въ двадцатыхъ числахъ марта 1917 года, когда еще все представлялось въ розовомъ свѣтѣ, сказалъ, что лѣтомъ неизбежно большое кровопролитіе, потому что развитіе большевиками ведетъ къ тому, что коалиціонное министерство будетъ не въ силахъ удержаться.

Но главная бѣда данной минуты еще не въ большевизмѣ. А въ томъ, что роковымъ образомъ на аренѣ русской жизни стать не только фигурантъ, но и похуже того — человекъ, о которомъ атаманъ, по возвращеніи съ Московскаго совѣщанія, гдѣ Керенскаго онъ видѣлъ въ первый разъ, на мой вопросъ о премьерѣ, усмѣхнувшись (а улыбается Алексѣй Максимовичъ, какъ извѣстно, въ недѣлю разъ), коротко бросилъ выразительное, ходкое нынѣ слово: «сволочь»...

Когда этотъ господинъ адвокатъ средняго разбора, но съ большимъ темпераментомъ, человекъ, который, какъ и сказалъ на Войсковомъ Кругу — «ни папы, ни мамы въ военномъ дѣлѣ не понимаетъ», сталъ во главѣ революціи и арміи, уже тогда идущимъ людямъ видно было, что человекъ этотъ, сыгравшій вначалѣ своимъ темпераментомъ такую крупную роль, — не государственный человекъ, а балерина, бывшая въ истерикѣ во время своей заключительной рѣчи на Московскомъ совѣщаніи.

И вотъ тотъ прогнозъ, который ставилъ Гриммъ, блестяще осуществился.

Развалъ государственный осуществляется въ полной мѣрѣ. Наступаетъ пунктуальнѣйшее осуществленіе понятія анархизма, то есть безвластія.

Никто никого слушаться больше не хочетъ.

Вчера посетившіе насъ представители демократическихъ организаций и социалистическихъ партій Учредительнаго Собранія передавали фактъ, очевидцами котораго они сами были въ Смольномъ: красногвардеецъ не пожелалъ слушаться Ленина и не пошелъ туда, куда посылаютъ его глава комиссаровъ.

Не то же ли у насъ: старичный атаманъ чуть ли не уравнивать долженъ казака разсыпнаго отвести казенный пакетъ.

При такомъ безусловномъ развалѣ всей государственной машины, не говоря ужъ о развалѣ политико-экономическомъ, прямо и честно приходится сказать, что русское государство погибнетъ и, конечно, не будетъ ни казачества, ни Дона, ни другого какого-либо сепаратнаго уголка, который, отгородившись, создастъ что нибудь. Ибо для всякаго серьезнаго человека ясно, что такія мечты, какъ мечты Украины — наивны. Украинцы, ведущей, къ слову сказать, преподную позитивку. Да, наивны эти мечты о томъ, что безъ велико-державнаго центра безъ русскаго народа въ цѣломъ можно удержаться, поставивъ свои столбики и расписавши свою великольпную карту, въ которую входятъ и Кубань и половина Дона...

Положеніе совершенно определенное и ясное: не умереть, конечно, великій русскій народъ, но можетъ погибнуть на десятки лѣтъ русское государство и на федеративныя республики, ни казачья образованія тутъ не уцѣлѣютъ.

Что же — большевизмъ доведетъ ли до конца свою разрушительную работу?

Да — до конца.

И всякія надежды на механическое избавленіе отъ него — несбыточныя мечты.

И если возможно говорить, что мы докатимся до диктатуры, то на это надо отвратить да — обложить ее можно, и подпорки дать нельзя. Если говорить, что одной дивизии достаточно было бы для того, чтобы водворить порядок, то ведь даже и одной такой дивизии нет...

Но когда настанет момент психологического перелома, когда срабля, на которую наступит одураченный народ, ударит его по лбу — а он уже будет, — когда произойдет психологический сдвиг, как в 1613 году, когда земский собор не путем диктатуры (Шокарский был очень могил и очень не сильный человек, сравнительно с Мишиным), в, конечно, не полей отдельных лиц, во их талантливостью и патриотизмом, а исключительно моментом психологического перелома начнется работа всего народа. И народ сам выйдет из своей беды.

Думаю, что за этим туманом можно увидеть солнце, что за этими тучами светит оно и прорвется рано или поздно, чтобы осветить лучами своими правду земли русской.

Русский народ в массе, как организм, как целое, еще молод.

Я никогда не забуду глубокой по содержанию лекции проф. С. А. Платонова. В своих заключительных обзорах он говорил, что пути прежде прожиты, и остались еще не только не прожитые, но судящие нам еще много и великих потрясений и великих радостей.

Через великия потрясения и будет великая Россия.

Нам тяжело потому, что мы действующия лица.

Время это для нас ужасно.

А для будущих поколений?

Не скажут ли они про нас: «въ какія интересная времена они жили?».

Естественно, что совершаемая каждым из нас гражданская работа, могущая быть по отношению къ некоторым реализована жестоким, страшным образом, чрезвычайно тяжела и нам не легче от мысли, что, быть может, зато будущим поколениям предстоит лучшая жизнь... но работать все-таки надо...

Смерть Митрофана Богаевского

Николай Голубовъ привез донского златоуста изъ Сальскихъ степей на гауптвахту въ Новочеркасск. Возилъ на судъ — на гарнизонное собрание казаковъ.

И, чудо: преступникъ сталъ прокуроромъ. Казаки рукоплескали Богаевскому.

Всеположились въ красномъ Ростове: потребовали Богаевского на судъ въ Ростовъ.

Голубовъ отказалъ въ выдачѣ Богаевского и былъ объявленъ врагомъ совѣтскаго Дона. Въ Новочеркасскъ пошелъ карательный отрядъ матросовъ и красноармейцевъ.

Голубовъ бѣжалъ — Богаевского отвезли въ Ростовъ.

Въ ростовской тюрьмѣ за № 425 было начато новое дѣло 29 марта (11 апрѣля) 1918 г.

— На арестанта Митрофана Петрова Богаевского.

Безстрастный тюремный регистраторъ въ графахъ, обычаемъ установленныхъ, написалъ:

— Фамилія — Богаевскій.

— Имя — Митрофанъ.

— Званіе — гражданинъ.

— Губернія — ст. Каменской.

— Волости — Дон. обл.

А въ графѣ примѣтъ отмѣтили:

— Лицо — чистое.

— Принято денегъ — 22 руб. 32 коп.

Прибылъ М. П. Богаевскій въ ростовскую тюрьму съ грамотой отъ имени председателя съѣзда совѣтовъ Донской республики казака Ковалена.

— Препровождается Богаевскій М. П. къ Вамъ въ тюрьму отъ президума (орфографія Ковалена) съѣзда совѣтовъ Донской республики, котораго держать въ одиночномъ заключеніи за строгимъ карауломъ.

Комиссаръ тюрьмы невольникъ въ точности приказъ революціонныхъ властей и захлопнулась тяжелая тюремная дверь за донскимъ златоустомъ.

Но невдалеку, 1 апрѣля въ пять часовъ вечера къ тюрьмѣ подкатывалъ автомобиль и изъ него выскочилъ самъ начальникъ ростовской красной гвардіи Антоновъ.

Въ тюремной конторѣ онъ предъявилъ листокъ бумаги, на которомъ блѣдными расплывчатыми каракулями было написано:

— Предлагаю выдать предъявителю сего Богаевского для препровожденія въ областной Военно-Революціонный комитетъ для допроса. Председатель чрезвычайной следственной комиссіи Рожанскій.

Богаевского выдали.

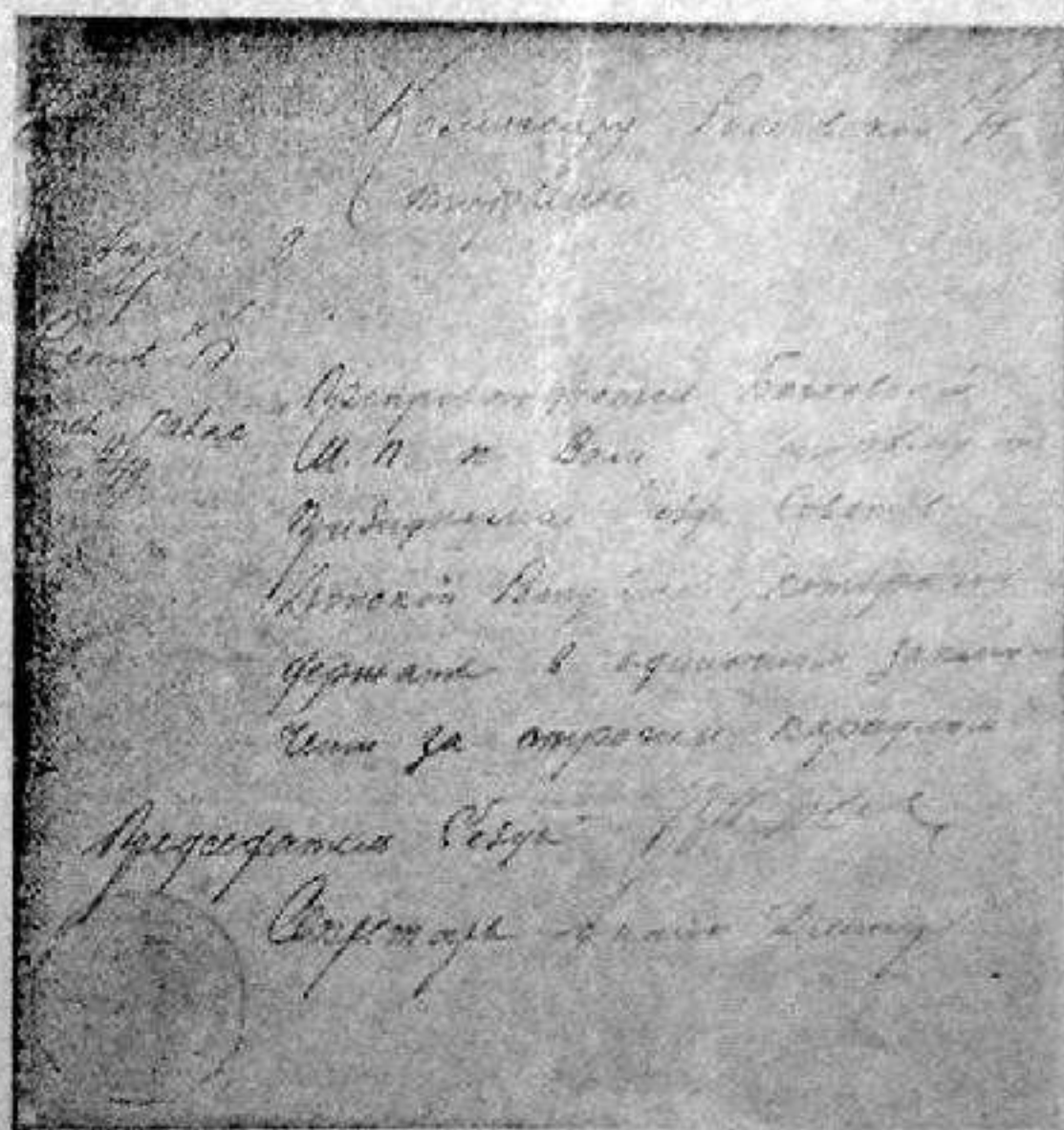
На этой же бумажкѣ Антоновъ написалъ зелеными чернилами:

— Арестанта Богаевского въ следственную комиссію принялъ Г. Антоновъ 1 апрѣля 1918.

Богаевского усадили въ автомобиль и увезли. У руля сидѣло два шофера, въ автомобиль было троимъ: Богаевскій, Рожанскій и Антоновъ.

Близко около нахичеванскихъ боенъ — около станицы Александровской шла перестрѣлка. Восставшіе противъ совѣтовъ черкасскіе казаки Фетисова шли на выручку Богаевского.

М. П. Богаевскій въ ростовской тюрьмѣ.

Сопроводительная записка при арестованіи М. П. Богаевского.

Еще вчера ихъ атаманъ Фетисовъ предъявилъ совѣтскому Ростову ультиматумъ:

— Чтобы ни одинъ волосъ не упалъ съ головы Богаевского.

По окраинамъ Нахичевани, около третьей Балабановской роши сновали автомобили, скакали всадники, проходили отряды красной арміи.

Была паника.

Фельдшеръ боенъ казакъ Гугуевъ вышелъ изъ своего домика, чтобы взглянуть на отступление вершителѣй донскихъ судебъ.

Ходилъ около насыпи желѣзной дороги, прислушивался къ толкамъ прохожихъ, гулявшихъ въ праздничный день около роши.

Вниманіе Гугуева приковалъ черный автомобиль, кружившій около опушки роши.

— Комиссары бѣгутъ.

Но автомобиль остановился. Открылась дверь. Быстро частыми шагами вышли два человека. Впереди шелъ нѣкто въ военномъ, за нимъ торопливо сутуловатый учитель въ фуражкѣ съ бархатнымъ околышемъ.

Пошли въ рошу. Военный: сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, быстро обернулся и въ упоръ выстрѣлилъ въ учителя. Тотъ упалъ.

Военный обошелъ кругомъ упавшаго и не орошено пошелъ къ автомобилю. Но изъ автомобиля показался еще одинъ господинъ и сдѣлалъ жестъ военному въ сторону лежаннаго въ рошѣ учителя.

Военный вернулся и в уварь выстрелил в лицо казачиному.

Выстрелил и ушел.

Автомобиль умялся.

Гугуев бросился в рощу и подбѣжалъ къ учителю. У учителя была прострѣлена правая глазъ, была фонтаномъ кровь изо рта. Онъ былъ еще живъ. Лѣвымъ глазомъ онъ взглянулъ на Гугуева и закрылъ его.

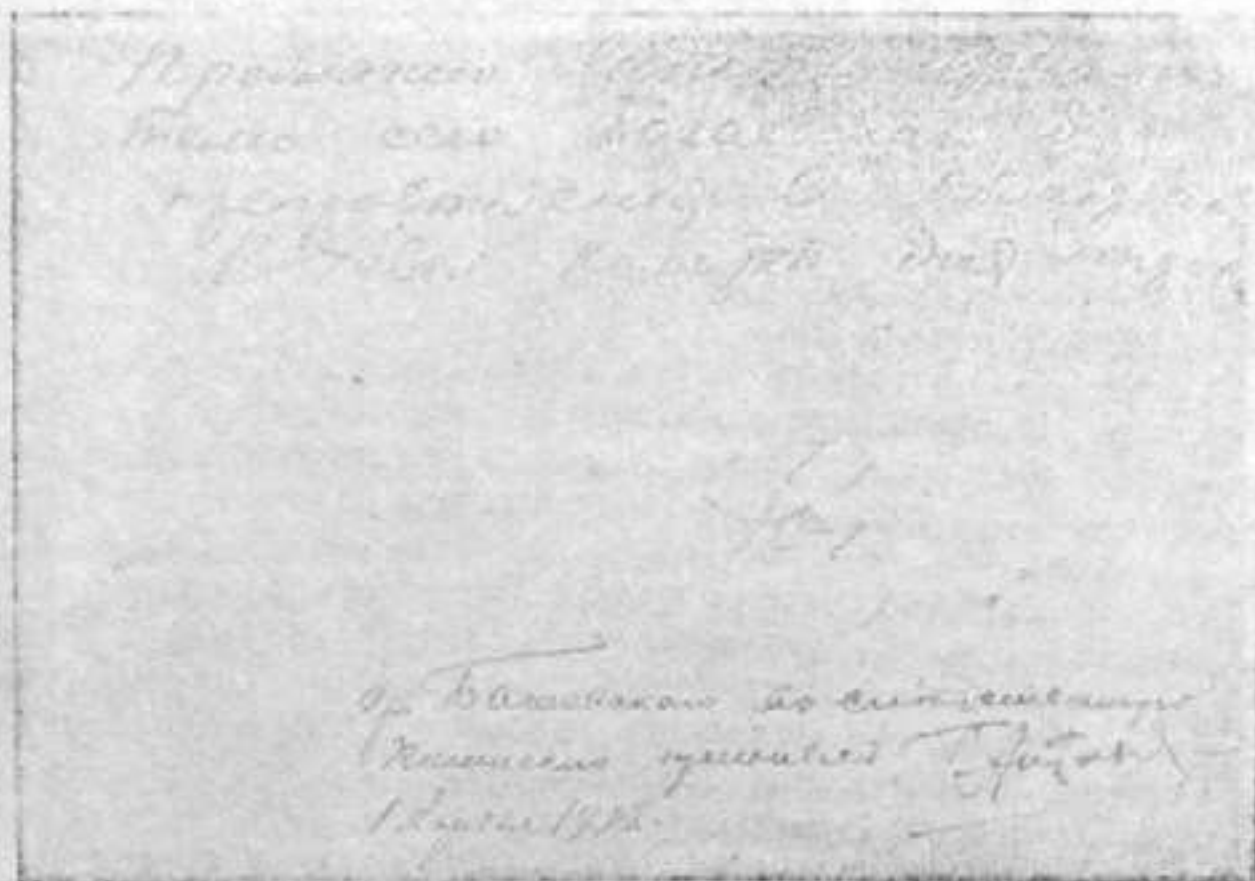
Около лежала фуражка и пеналъ. Гугуевъ взглянулъ на подкладку фуражки. На ней было дѣло бунны: М. Б.

Казакъ Гугуевъ понялъ, кто убитъ въ Балабановской рощѣ.

Подошли матросы, жители окраины, подошли женщины. Матросы ваяли пивсы „на память“, женщины выдохнули, и фельдшеръ Гугуевъ думалъ свою думу.

— Можетъ быть, онъ еще живъ. Утромъ рано я запрягу лошадку и увезу Богаевского въ надежное мѣсто. Выхожу, спасу.

М. П. Богаевскій въ ростовской тюрьмѣ.

Смертный приговоръ М. П. Богаевскому. Убийца въѣхалъ следственной комиссiей отвезли М. П. Богаевскаго на опушку Балабановской рощи.

Стемило... Опустѣла окраина. Стихла канонада—казачи отступили.

Всю ночь не спалъ Гугуевъ и его семья. Все мерещилось имъ, что кто-то стонетъ подъ окномъ. Выходили, прислушивались, всматривались—никого.

На разсвѣтъ Гугуевъ запретъ лошадей и подбѣжалъ на подводѣ къ опушкѣ рощѣ. Подошелъ къ лежавшему въ той же позѣ Богаевскому. Онъ былъ мертвъ.

Бережно уложилъ Гугуевъ дорогого покойника на дроги и потихоньку поѣхалъ по рощѣ. Ъхалъ чащей, чтобы никого не встрѣтить.

Иосифъ Аримавейскій казачьяго златоуста.

Онъ везъ Богаевскаго въ Нахичеванскую больницу.

Проѣхалъ половину рощи и встрѣтилъ отрядъ красногвардейцевъ.

— Кого везешь?

— Убитаго въ рощѣ.

— А насъ за нимъ послали изъ штаба. Доезди, что трупъ валяется и надо его убрать.

— Я везу трупъ въ больницу.

— Ну, мы тебя проводимъ.

— Пошли.

Въ больницѣ красногвардейцы обшарили карманы убитаго. Одинъ изъ нихъ нашелъ маленькую записную книжку съ карандашными записями Богаевскаго и сунулъ ее себѣ въ карманъ.

Влажный отъ слезъ платокъ Богаевскаго не тронули.

Гугуевъ ушелъ. Онъ свой долгъ исполнилъ.

Скорбень былъ путь Богаевскаго къ могилѣ, скорбень и послѣ смерти.

И помню толпу праздныхъ зѣвакъ, бабъ и дѣтей съ надеждоухами на временной могилѣ Богаевскаго на Софiевскомъ кладбищѣ въ Нахичевани и кучку друзей—трехъ—четырехъ, кромѣ пяти родныхъ покойнаго.

Помню товарный вагонъ съ поломъ, пахнущимъ пивомъ, въ которомъ лежалъ Богаевскій изъ Ростова въ Нахичеванскъ.

И на перронѣ Нахичеванскаго вокзала въ казенной группѣ друзей и родныхъ Богаевскаго огорчительно помню и немецкаго унтер-офицера. Онъ подошелъ къ В. Д. Богаевской и отъ лица немецкой армii поклонился жещѣ въ званьяго патриота.

И только... Иныхъ делегатовъ не было.

Викторъ Сѣвскій.

М. П. Богаевскій въ ростовской думѣ.

(Страничка изъ исторiи революцiи на Дону).

Въ „бѣломъ домѣ“ шло одно изъ бурныхъ „митинговъ“, какъ ихъ называли, засѣданiй соединенныхъ думъ гг. Ростова и Нахичевани на Дону.

Залъ и хоры думы были переполнены гласными, представителями политическихъ и профессиональныхъ организаций, журналистами и публикой, преимущественно демократической.

Рабочие въ косовороткахъ, революционная молодежь и интеллигенцiя измѣнившая „крахмальнымъ сорочкамъ“ и зашнурившая ихъ скромными мягкими воротничками, женщины изъ окраины и даже дамы въ шляпкахъ и модныхъ манти—огромно изъ центра, но несомнѣнно изъ числа „примыкающихъ“.

Въ кулуарахъ и корридорахъ толпилась та же разношерстная толпа, не успѣвшая пробиться въ залъ и на хоры и для которой входъ въ нихъ, за недостаткомъ мѣста, былъ запрещенъ. Это было въ ноябрѣ прошлаго года.

На „новостной день“ стоялъ боевой вопросъ:

— Отношенiе демократическихъ городскихъ думъ къ предположенiю военнаго правительства звести военное положенiе въ предѣлахъ городовъ Ростова и Нахичевани и на полосу желѣзнодорожной линiи Ростовъ-Батайскъ.

Въ городахъ свирѣствовали грабители, на область наступали большевики, желѣзнодорожному движенiю грозила остановка.

И правительство А. М. Каледина, въ цѣляхъ обезпеченiя безопасности въ области, готовилось принять рѣшительныя мѣры—звести военное положенiе.

Какъ относятся къ этой мѣрѣ демократическая дума?

Одинъ за другимъ выступали лидеры социалистической демократiи.

Васильевъ, Гроссманъ, Заварзинъ, Шрайбергъ, Смердовъ, Петренко и многие другiе.

Въ обычной и привычной обстановкѣ, среди „своей“ аудиторiи, плавно и каскадомъ льются рѣчи ораторовъ, покрываемые „громомъ“ аплодисментовъ.

Негодую, они говорятъ о покушенiи на верховныя права демократiи и прерогативы думы, безъ согласiя коей имъ одна власть не вправе вводить въ городѣ исключительнаго положенiя.

Горделиво заявляя о жертвахъ демократiи, принесенныхъ ею для достиженiя свободы, ораторы-гласные называютъ шаги А. М. Каледина дѣйствiями контръ-революционными, направленными противъ демократiи.

Переходя на плоскость юридическихъ изысканiй, ораторы доказываютъ, что для введенiя военнаго положенiя въ Ростовъ и Нахичевани нѣтъ основанiй, такъ какъ пока что города эти—не базы военныхъ дѣйствiй, а близость неприятеля—далеко не серьезный мотивъ для принятiя мѣръ рѣшительныхъ.

Далѣе они свидѣтельствуютъ, что слухи о военномъ положенiи нервируютъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ и что поэтому послѣднiе теряютъ спокойствiе, необходимое имъ для ориентированiя въ протекающихъ событiяхъ и снужающей обстановкѣ.

Рѣчи оканчиваются восторженными и одобрительными рукоплесканiями и зала и на лицахъ ораторовъ отмѣчается сознанiе добросовѣстно исполненнаго долга и самодовольства.

Ораторамъ большинства возражаютъ кадъ и визмы. Ихъ немного и голоса ихъ, звучащiе робко и неуверенно, безрезультатно теряются въ плотно населенной залѣ думы и вызываютъ ропотъ укоризны и негодованiя.

Выступаютъ Шикъ, Колли, Малиновскiй.

И, увы, ни одного хлопка, ни одного ободряющего восклицания.

Наступает тишина.

Торжественный момент блестяще законченной кампании и поражения буржуазных и „контр-революционных“ вождь-лвий и упований.

И среди этой тишины торжественного момента въ залъ раздается архидиаконскій возгласъ председателя думы Б. С. Васильева:

— Слово принадлежит помощнику войскового атамана М. П. Богаевскому!

На думскую залу этотъ возгласъ произвелъ впечатлѣнне грозы, неожиданно разразившейся среди яснаго безоблачнаго дня.

Какъ токъ электричества, имя Богаевскаго пронизало всѣхъ присутствующихъ.

Въ залъ произошло то, что называется „сильнымъ движеніемъ.“

— Богаевскій?! Богаевскій здѣсь?! шепотомъ пронеслось въ залъ.

И когда, минуто спустя, рядомъ съ председателемъ появился М. П. Богаевскій и аудитория убѣдилась, скорѣ почувствовала, что стоящій передъ нею человекъ съ черными усами и въ темныхъ очкахъ—точно Богаевскій, идеологъ и поэтъ стараго вольнаго Дона Ивановича, что всколыхнулъ и воскресилъ уснувшее ретивое сердце казачье, „бѣлый домъ“ дрогнуло отъ бурныхъ и долго не умолкавшихъ аплодисментовъ.

За исключеніемъ очень немногихъ присутствовавшихъ въ залъ, Богаевскаго видѣли и слышали здѣсь въ первый разъ. Въ революціонной думѣ и залъ, наполненной слушателями, въ огромномъ большинствѣ составлявшими оплотъ господствовавшей и руководящей части думы, Богаевскій, конечно, не былъ „своимъ“ человекомъ и „любимцемъ публики“, конечно быть не могъ.

Аудитория ростовской думы, только-что аплодировавшая яркимъ и непримиримымъ противникамъ Каледина и Богаевскаго, на протяжении цѣлаго ряда мѣсяцевъ укрѣплявшая связи съ ними, не могла такъ быстро измѣнить своимъ „богамъ“.

Но у толпы, какъ-бы ослѣпленна и върующа она ни была, есть потребность подчиняться велѣніямъ заложенной въ глубинахъ ея разума и совѣсти силы, и подчиняясь ей, проговаривать въ соответствующіе моменты чувства честности и справедливости.

Появленіе Богаевскаго у председательскаго стола въ ростовской думѣ и было этимъ соответствующимъ психологическимъ моментомъ.

Ростовская толпа не могла не понять, что передъ нею стоитъ не фразеръ, не фонфаронъ, не авантюристъ и даже не холодный резонеръ, а несомнѣнно и безспорно честный сынъ своей родины, самоотверженный и талантливый ея рыцарь, безъ страха и упрека, ея безкорыстный рабъ, одинъ изъ тѣхъ „обреченныхъ“, жизнями которыхъ создается благополучіе народовъ.

Когда утихли рукоплесканія, на лицахъ лидеров обѣихъ думъ замѣтно было смущеніе. И не удивительно: это было такъ неожиданно и необычно.

За все время существованія демократической думы въ ней никому изъ „чужихъ“, а тѣмъ паче „буржуазнымъ“ ораторамъ такихъ бурныхъ аплодисментовъ „срывать“ не удавалось.

М. П. Богаевскій говорилъ недолго. Безъ хитроумныхъ изворотовъ, безъ лицемѣрія и фарисейства, прямо, честно и открыто.

Его грудной, еще молодой теноръ выливался прямо изъ „нутра“, непосредственно, безъ искусственной „чеканки“ и отдѣлки, и на внѣшній эффектъ не рассчитывалъ.

Онъ, подобно многимъ ораторамъ, не любовался собою, когда говорилъ, и не щеголялъ своею рѣчью.

Онъ говорилъ только потому, что молчать нельзя было и говорилъ только то, о чемъ надо было и слѣдовало говорить. И только.

Но это только было именно то, что нужно было.

Онъ объяснилъ аудиторіи характеръ дѣятельности А. М. Каледина и своей.

Онъ съ негодованіемъ отвергалъ обвиненія противъ Каледина, доказавъ, что для счастья Дона, который они любятъ такъ, какъ сорокъ тысячъ „товарищей“ любить не могутъ, Калединъ и онъ не пощадятъ жизни.

Все, что ими дѣлается—диктуется интересами и благомъ Дона и вольнаго казачества.

— И если для блага Дона необходимо будетъ ввести въ области военное положеніе—оно будетъ введено донскимъ атаманомъ,—закончилъ М. П. Богаевскій свою рѣчь въ ростовской думѣ.

Последнія слова М. П. Богаевскаго вновь были покрыты аплодисментами.

Это была первая, единственная и въ то же время послѣдняя рѣчь Богаевскаго въ Ростовѣ.

Ростовцамъ его больше не пришлось слышать. Но черезъ четыре мѣсяца они услышали о немъ: что онъ перевезенъ изъ Черкаска въ ростовскую тюрьму, а скорѣ затѣмъ, что на опушкѣ Балабановской роши около нахичеванскихъ боенъ убитъ человекъ, около котораго валялась фуражка съ буквами на оборотной сторонѣ околыша: М. Б.

Это означало, что Митрофана Петровича Богаевскаго, честнаго и вѣрнаго сына вольнаго Дона, въ живыхъ уже нѣтъ.

Небессмертный.

Конецъ Николая Голубова.

ыстро разнеслась вѣсть по донскимъ степямъ о смерти войскового старшины Голубова, человека самой пестрой биографіи и самыхъ противорѣчивыхъ дерзаний. Говорили, что убили Николая Голубова офицеръ Пухляковъ въ станицѣ Заплавской.

У пишущаго эти строки былъ товарищемъ на реальномъ училищѣ нѣкій Федоръ Пухляковъ, инѣ студентъ землемѣрнаго училища. Когда мнѣ удалось въ этомъ апрѣлѣ встрѣтить въ Новочеркасскѣ стараго школьнаго товарища, то я прежде всего спросилъ его:

— Не твой-ли братъ убили Николая Голубова?

Я зналъ, что у Федора Пухлякова былъ братъ-офицеръ, Федоръ Пухляковъ, немного запнувшись, отвѣтилъ:

— Я тебѣ могу рассказать всѣ подробности смерти Голубова.

Затѣмъ, немного погодя, Пухляковъ добавилъ:

— Многие думаютъ, что Голубова убили мой братъ подесаулъ Андрей Пухляковъ, но ошибаются—Голубова убили я.

И Федоръ Пухляковъ рассказалъ мнѣ подробно, какъ утромъ 30 марта, палъ отъ его руки Николай Голубовъ.

Федоръ Пухляковъ познакомился ближе съ Голубовымъ въ концѣ декабря прошлаго года, состоя въ студенческой дружинѣ, работавшей противъ красной гвардіи на станицѣ Миллерова. Здѣсь ему не разъ приходилось слышать отъ распропагандированныхъ казаковъ:

— Голубова давай атаманомъ, а не Каледина. Смерть Каледину.

Уже въ то время у студента Пухлякова мелькала мысль объ убійствѣ Голубова во имя спасенія Дона. Однако, не было подходящаго времени и мѣста.

Судьба послала двумъ донскимъ студентамъ роковую встрѣчу уже послѣ смерти двухъ донскихъ атамановъ и наканунѣ смерти Митрофана Богаевскаго.

Николай Голубовъ (одинъ изъ послѣднихъ портретовъ).

Палъ Новочеркасскъ—красные подходили къ его воротамъ. Студенческая дружина была распущена. Пухляковъ не поступилъ ни въ какой отрядъ и 11 февраля бѣжалъ въ родную Раздорскую станицу. Въ ней онъ пробылъ до конца марта, когда возстали кривяцкіе казаки подъ предводительствомъ Фетисова. Первыми на возстаніе откликнулись раздорцы. 28 марта они узнали о возстаніи Фетисова, а 29 въ 3 часа дня они были въ Заплавской станицѣ,—въ немногихъ верстахъ отъ Кривянской. Остановились въ этой станицѣ.

И здѣсь Пухляковъ на улицѣ узналъ отъ казака о приѣздѣ Голубова.

Вмѣстѣ со своими станичниками Пухляковъ посѣдилъ въ станичное правленіе. Тамъ было много народу... Голубовъ проѣхалъ мимо правленія въ сопровожденіи богаевскихъ казаковъ. Его увидѣлъ атаманъ и упротилъ слѣзть съ лошади и зайти побесѣдовать...

Всѣ слушали рѣчь Голубова, въ которой онъ пытался въ глазахъ казаковъ оправдать свои дѣйствія. Разказалъ свою биографію; обрисовалъ свою работу въ военномъ отдѣлѣ областного исполнительнаго комитета; говорилъ о своихъ заслугахъ съ революціонной точки зрѣнія; говорилъ въ продолженіе четырехъ часовъ.

Сидѣлъ онъ на столѣ, положивъ рядомъ съ собой винтовку... Пухляковъ присѣлъ сбоку, а у окна сталъ пріятель Пухлякова студентъ Сулинъ и дядя Пухлякова В. А. Александровъ. Кромѣ нихъ у окна снаружи стало двое казаковъ изъ взвода Пухлякова съ винтовками на случай, если-бы Голубовъ попытался бѣжать.

— Я не виноватъ,—говорилъ Голубовъ,—многіе считаютъ меня виновникомъ современнаго положенія на Дону... Кто то что то дѣлалъ; кто то въ чемъ то виноватъ—но все слагалось такъ, что во всемъ оказался виноватъ Николай Голубовъ.

Пухляковъ задалъ Голубову нѣсколько вопросовъ, но не получилъ отвѣта, такъ какъ казаки потребовали не мѣшать говорить Голубову.

Въ 11 часовъ ночи, по инициативѣ Пухлякова, Голубову объявили объ его арестѣ и обезоружили его. Голубовъ пытался скрыть браунингъ...

— Моя смерть въ вашихъ рукахъ, не выдавайте меня красногвардейцамъ. А если думаете выдать, то оставьте мнѣ браунингъ—я застрѣлюсь.

Ночь Голубовъ провелъ на частной квартирѣ подѣ стражей изъ восьми человекъ.

Прошла ночь... Около шести часовъ утра стали собираться казаки. Изъ толпы раздались крики по адресу Пухлякова:

— Федоръ Федорычъ, ведите Голубова.

Пухляковъ приказавъ трубить сборъ по всей станицѣ, какъ делегатъ, отправился къ поручику Александрову, начальнику раздорскаго отряда, за Голубовымъ, зайдя предварительно къ брату и взявъ у него „Наганъ“...

Повели Голубова въ правленіе: впереди четыре казака, затѣмъ Голубовъ и Пухляковъ, а позади еще четыре казака и поручикъ—начальникъ отряда...

У правленія—громкая толпа изъ женщинъ, казаковъ и даже дѣтей. Недаромъ протрубили сборъ. Всѣ были безъ оружія, кромѣ тридцати-сорока богачевъ, стоявшихъ отдѣльной кучкой...

Ввести Голубова въ правленіе казаки не дали. Раздались крики по адресу Голубова:

— Стой здѣсь и отвѣчай на вчерашніе вопросы.

Онъ сталъ на площадкѣ около ступенекъ, а Пухляковъ, прислонившись къ двери, сталъ позади. Внизу у ступенекъ со штыкомъ на винтовкѣ сталъ студентъ Сулинъ.

Пухляковъ повторилъ вчерашніе вопросы:

— Почему былъ убитъ Чернецовъ и почему преслѣдовались партизаны?

— Товарищи!—началъ Голубовъ.

Поднялся крикъ.

— Станичники! Въ смерти Чернецова я не виноватъ. Я арестовалъ его, чтобы спасти. Но не могъ спасти, потому что не могъ сдержать страсти казаковъ... и въ оправданіе мое, что я не виноватъ въ смерти партизана Чернецова укажу на тотъ фактъ, что спасалъ его партизанъ на своихъ подводахъ и на свои средства триста верстъ отъ преслѣдованія красной гвардіи!

— Господинъ Голубовъ, это странно! Тамъ спасаете чернецовскихъ партизанъ, а въ сальскомъ округѣ почему-то гонялись за партизанами генерала Попова?

Голубовъ что то глухо пробормоталъ.

Поднялись крики:

— Врешь!

— Дайте оправдаться!

— Душегубъ!

Пухляковъ, забывъ, что у него въ рукѣ револьверъ, поднялъ руку. Блеснулъ „Наганъ“. Сразу стало тихо и Пухляковъ задалъ новый вопросъ:

— Почему вы, несмотря на свои обѣщанія, шли противъ Каледина и его правительства и противъ интересовъ казачества?

— Противъ Каледина, правительства и всего казачества я въ корнѣ не шель, но въ мелкихъ деталяхъ я съ ними не былъ согласенъ.

Голубовъ гордымъ взглядомъ окинулъ толпу, а затѣмъ добавилъ:

— Какъ и всѣ вы!

Кончилъ и исподлобья взглянулъ на своихъ богачевъ. Но богачи молчали.

Пухляковъ напомнилъ Голубову о семи разстрѣлянныхъ—атаманѣ Назаровѣ и другихъ.

Голубовъ молчалъ.

Тогда Пухляковъ подѣ шинелью извелъ курокъ „Нагана“. А толпа съ гнѣвно искаженными лицами кричала:

— Измѣнникъ! Предатель!

— Дайте же оправдаться!—просилъ Голубовъ.

Снова Пухляковъ поднялъ руку и толпа смолкла...

Вновь „Наганъ“ описалъ полукругъ надъ головой Голубова.

Рис. В. Манюхина.

Голубовъ тихо пробормоталъ:

— Ахъ, какъ тяжело!

Изъ толпы донесся тихій отвѣтъ:

— А намъ легко?..

Тогда заговорилъ опять Пухляковъ:

— Станичники! Голубовъ, еще будучи членомъ военнаго отдѣла областного исполнительнаго комитета, еще въ то время грозилъ войсковому правительству шестнадцатую тысячу штыковъ новочеркаскаго солдатскаго гарнизона.

Сказалъ и потерялъ самообладаніе.—ткнувъ дуломъ „Нагана“ въ затылокъ Голубова, спустилъ курокъ. Выстрѣла не было слышно. Пуля вышла въ правую бровь... Голубовъ сталъ падать на Пухлякова. Тотъ оттолкнулъ его...

Голубовъ упалъ на грудь и голова его стала поворачиваться въ сторону Пухлякова. Глаза выражали удивленіе и негодованіе; они казалось говорили:

— Кто осмѣлился это сдѣлать?..

Пухляковъ вскрикнулъ и выстрѣлилъ ему въ лѣвое ухо... Оцѣпенѣвшая было толпа закричала и завопила.

— Добей его! Добей! Пухляковъ въ третій разъ выстрѣлилъ въ високъ Голубову.

Изъ толпы бросились къ Пухлякову и стали жать руки, цѣловать, благодарить. Его благословляли, а Голубову, уже мертвому, слали проклятья.

Голубовъ лежалъ на ступенькахъ. Голова его раздулась, кровь фонтаномъ била изъ всѣхъ шести отверстій—онъ былъ полнокровнымъ.

Послѣ, когда пришло успокоеніе, Пухляковъ боялся сойти съ ума. Нѣсколько ночей подрядъ его преслѣдовали кошмары...

Владимиръ Эминъ.

Есауль Рыковскій.

Ихъ было много въ Корниловской арміи—этихъ безумно храбрыхъ, сильныхъ волей, громаднаго боевого таланта людей. Ими жива была армія, ихъ страшной отвагой творила она свои сказочные подвиги и благородными сердцами ихъ она окружила себя ореоломъ величія и чистоты.

Много было ихъ, славныхъ сподвижниковъ Корнилова. Но при воспоминаніи о павшихъ изъ нихъ четко вырисовывается на общемъ фонѣ бойцовъ могучая фигура есаула лейб-гвардіи казачьяго полка Якова Федоровича Рыковскаго. Необыкновенно крупнаго тѣлосложенія, богатырски сильнаго мускулами и нервами, съ длинной головой и ярко розовымъ лицомъ, съ горящими углемъ глазами и трубнымъ звукомъ своего голоса—онъ, казалось, самой природой предопределенъ былъ на что-то могучее. Онъ командовалъ всего лишь взводомъ пѣхоты въ отрядѣ полк. Краснинскаго и только впоследствии за нѣсколько дней до своей смерти получалъ гвардейскую конную сотню. Но знали его почти всѣ и знали не только по его крупной фигурѣ, но и по поразительнымъ дѣламъ его взвода, наполовину состояшаго изъ его сотоварищей по полку.

Это была не только лично герой, своим примером увлекавший других из ратных полк; это был герой — человек, герой — человек, который велел своим бойцам делать герман, силой своего необыкновенно авторитета и неслыхательными обязанностями своей личности чувствовать их идти всегда вперед и быть впереди других.

Он знал своих бойцов и знал, как и когда им надо делать герман и с наименьшими потерями побеждать врага, ибо он великолично знал своего противника из различные моменты боя.

— С ним, никогда ничего не страшно, — говорил один из людей его взвода, бывший у него в сотни лейб-казака полка вихри-стрелы: — он всегда уверен из того, что делается. Из ним всегда вперед.

И все другие, бывшие под его командой, всегда и всюду шли за ним.

Бывают начальники, которые, идя впереди своих частей, увлекают их своим примером вперед и заставляя таким образом побеждать, терпят однако руководство и обладание своим отрядом. Они берут тем, что идут вперед. Таковым был покойный полковник Краевский.

Но бываю и такие, которые, идя впереди и увлекают боем, никогда ни на минуту не теряют самообладания и способности управлять своим отрядом.

К их числу принадлежал есаул Рыковский.

В бою под грохотом орудийной стрельбы и визгом летящих снарядов, при невозможном токаньи пулеметов и ружей, идя впереди в кужающем рои пули, он внимательно и совершенно спокойно вглядывался в расположение своего противника, ловил его настроение и с поразительной техникой руководил действиями своего взвода и пулемета.

Он горел в бою и всеми фибрами своей богатой натуры жил в нем.

В бою за станцией Некрасовской он, выйдя далеко вперед за свои преследующий противника цпин, одним своим взводом гнал его, сам заняв хутор Белый и только тогда получив приказание возвратиться к своим частям.

Нервдко приходилось начальникам удерживать Рыковского и приказывать ему занять со своим взводом не столь опасное положение. Но всегда в таких случаях он говорил по адресу отдававших приказание: «Они не понимают настроения противника; он уже в панику, он сейчас дрогнет и побегит. Ему надо дать почувствовать, что мы уже гоним его».

— Дилоной писатель В. Д. Крюков изъявляет согласие принять участие в журнале «Донская Волна» и из одним из ближайших номеров журнала будет напечатано его произведение.

Сема. Сема, вперед — говорил он часто начальнику своей пулеметной команды, товарищу по з. каз. полку. И всегда вперед была вперед.

В бою он удивительно стойко и красиво держал себя и свой взвод. Из полный рост разбрызгивая своим на парад твердым шагом он шел в атаку; за укрытия, за углы зданий не позволял ни себе ни другим заходить. Из из его взвод редко бывали потерь.

Обсуждается вопрос о том, кому идти в ширять. Все измучены петекшим боевым днем, вся стрелки хочется воспользоваться немногими часами отдыха. Он быстро правильно определял, кто меньше других устал и ласковым, полным заботливости, но жестким с тем ответственном словом говорил: «Ну, идите вы или один ты, если это относится к кому-нибудь из его близких товарищей. И или без всякого недомождения, без малейшего сомнения в том, что выбор сделан правильно».

В бою под Екатеринодаром, где ему суждено было вест смертно храбрых, он выдал мыслью о вестии Екатеринодара и, ни на минуту не сомнивался в том, что город будет занят, он рвался войти в него скорее.

— Г, полковник, — говорил он командиру дивизиона, — почему нам не броситься на них. Ведь, вы посмотрите, как они будут, — указывая на отступившего в полной панике многотысячного противника — на свободу на их плечах ворвемся в Екатеринодар...

Ни ему, ни другим не пришлось осуществить этой мечты. Другие пережили потом мучительный отказ от выполнения этой мечты, смерть Корнилова, жившего также ею.

Рыковский же, как и его вождь, умерли с этой мечтой. В последней конной атаке под Екатеринодаром в март он был убит.

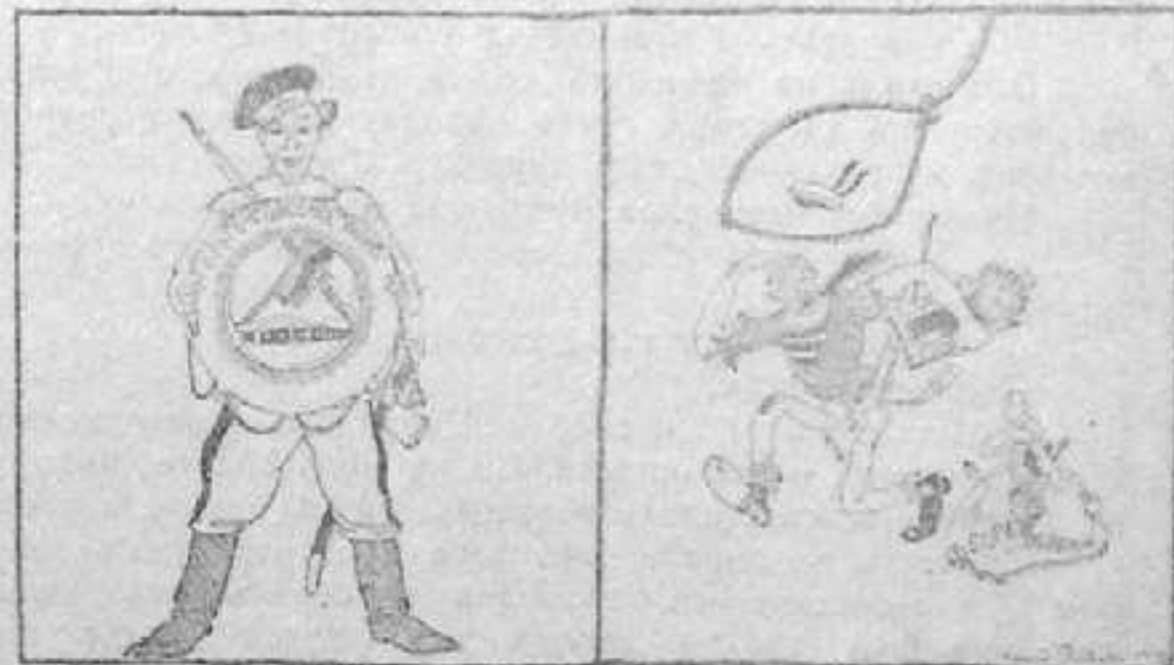
— Нам предстоит ставное дело, — сказал он пред самой атакой. Его сердце не дрогнуло даже перед этим «славным делом» — своей собственной смертью.

Таков был есаул Рыковский. Таковы были корниловские оры.

М. Нефедов.

Около круга.

Рис. Константина Рогова.

Для казачества

Для «счастия»

Книги, поступившие для отзыва.

Марията Шагинин. Ориенталия (изд. 4-е, дополненное). В. Грать, Грассь.

ВЪ НОМЕРЪ

- Милиционер на воеводствъ.
- Туманы — стих. Юрия Зубовского.
- М. П. Богачевский о судьбахъ России.
- Смерть Митрофана Богачевского — Виктора Съевского.
- М. П. Богачевский в ростовской думѣ — Небезсмертного.
- Конепъ Николая Голубова — Владимира Змина.
- Есаулъ Рыковский — М. Нефедова.

- Старо-Хоперский поход — Романа Кумова.
- Судьба астраханского атамана.
- А. М. Каземинъ и свободы — Павла Казминова.
- Походъ на Москву — Ники Туземцева.
- стих. Сергѣя Пинуса.
- Рассказъ очевидца — Стрѣльникова.
- 17 июля — день скорби — А. Павлова.
- Федоръ Баткинъ — Николая Литвина.

Рисунки А. Н. Ворвничаго, Валентина Полити, Е. П. Рытченкова, Константина Аладжалова, Константина Рогова.

Рисунки «Донской Волны» являются ее собственностью и перепечатка ихъ допускается только сь уазаніемъ источника.

Редакторъ
Викторъ Стѣпскій
(В. А. Краснушкинъ).

Издатель — т-во «Донская Волна»
въ лицѣ уполномоченнаго М. Г. Паршина.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на новый иллюстрированный еженедельник истории, литературы и сатиры

„ДОНСКАЯ ВОЛНА“

подъ редакціей ВИКТОРА СЪВСКАГО.

Редакция журнала „ДОНСКАЯ ВОЛНА“ ставитъ своей основной задачей широкое освѣщеніе событій на Дону, Кубани и Ураинѣ 1917—18 г.г.

Редакция располагаетъ цѣнными матеріалами: эпохи А. М. КАЛЕДИНА на Дону, похода Л. Г. КОРНИЛОВА со своей арміей по Дону и Кубани, эпохи донского комиссароуправленія и т. д.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: А. д'Актиль, И. Я. Александровъ (Небессмертный), ген. А. П. Богаевскій, Мих. Борецкій (П. П. Казмировичъ), А. Бошичъ, Константинъ Вѣликъ, Як. Гальскій, П. Т. Герцо-Виноградскій (Лонгринъ), А. Гушинъ, С. Г. Елатонцевъ, Мих. Долотовъ, приа.-доц. И. Дьяковъ, Юрій Зубовскій, И. Зеленскій, М. Я. Карасевъ, Е. М. Кискевичъ, П. Ковалевъ, М. А. Коноваловъ, Ф. Д. Крюковъ, Романъ Кумовъ, Н. Курмышскій, В. К. Леонтовичъ, полк. Я. М. Лисовой, Николай Лизинъ, проф. Н. Ф. Мельниковъ-Разведенковъ, Ал. Михайловъ, М. В. Нефедовъ, Н. Огневъ, А. Павловъ, А. Петровичъ, С. А. Пинусъ, И. Ф. Поляковъ, проф. М. Пресманъ, М. Рафаэловъ, ген. В. И. Сидоринъ, М. Г. Симонъ, М. Соболевъ, А. Тарскій, К. Треплеаъ, Ник. Туземцевъ, Б. Н. Улановъ, М. В. Черкасовъ, Ф. В. Черячукинъ и др.

Иллюстрируетъ журналъ художники: А. Н. Воронежскій, Леонидъ Кудинъ, Г. В. Петтеръ, Е. П. Рытченковъ, Константинъ Аладжаловъ, Григоръ Шилтъинъ, Валентинъ Полити, Константинъ Ротовъ, А. Сычевъ, фот. Б. П. Мищенко и др.

Редакция располагаетъ фотографіями, зарисовками и портретами, иллюстрирующими жизнь А. М. Каледина, М. П. Богаевского, Л. Г. Корнилова и его сподвижниковъ, атамана Дутова, героя Кавказа Баратова, палачей вольнаго Дона — донскихъ комиссаровъ и ихъ соратниковъ, плеяду главковерховъ и пр.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 мѣс.—8 руб., на 2 мѣс.—16 руб. Цѣна отдельнаго номера 2 руб.—въ Ростовѣ 2 руб. 20 коп.

Подписка принимается въ конторѣ журнала, въ Ростовѣ на Дону, Б.-Саловск., 89, (между Среднимъ и Малымъ пр.), телефоны № 2343.

Изъ мѣстностей, съ которыми у Дона нѣтъ денежныхъ сношеній, подписка принимается почтовыми и сербскими изрѣчаніями въ закладку писемъ.

№ 1 журнала „Донская Волна“ вышелъ 10 июня с. г.

Редакторъ—Викторъ Съвскій.

Издатель—т-во „ДОНСКАЯ ВОЛНА“, въ лицѣ уполномоченнаго
М. Г. Паршина.

Готовится къ печати рядъ специальныхъ номеровъ „Донской Волны“ посвященныхъ первому партизану В. М. Чернецову, молодежи, освобожденію Дона (возстанію въ станицахъ), Кубани, Тереку, Астрахани, Черноморью и т. д.

Лицъ, располагающихъ матеріалами для этихъ номеровъ, редакция „Донской Волны“ проситъ направлять ихъ по ея адресу—Ростовъ на Дону, Садовая ул., 89, ред. „Донской Волны“.